

СКОВАННЫЕ

ЭЛИ РАШ

18+

Элли Раш

Скованные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70244410

SelfPub; 2024

Аннотация

Я его истинная, но он об этом не знает. Мне удалось скрыть от него свой запах, но это не может длиться вечно. Когда он рядом, все внутри рвется в клочья, меня тянет к нему проклятой силой. Истинность требует быть услышанной. Он моя пара, но я не готова с этим мириться. Моя ненависть к нему сильнее притяжения. Я найду способ забыть о нем навсегда, прежде чем позволю чувствам случиться... Но что будет, если он узнает правду?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	60
Глава 6	78
Глава 7	92
Глава 8	119
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Эли Раш

Скованные

Глава 1

Дурной сон...

Это не может быть реальностью!

Вдыхаю снова. Дурманящий запах плотно селится в легких. И не только в них: он расплзается по всему организму, проникает в каждую клеточку.

Неотрывно смотрю на незнакомца часто-часто дыша. Стараюсь то ли выплюнуть легкие вместе с запахом, то ли не дать ему покинуть их.

Ноздри парня раздуваются. Грудная клетка вздымается от глубоких вдохов.

Он чувствует. Не двигается с места, только напряженно крутит головой. Выискивает запах, теряющийся в ветреную погоду среди толпы.

Нет, нет, нет...

Не может быть.

Еще один вдох, глубокий, на рефлекс.

Черт. Проклятье!

Не ошибка. Не показалось.

Я застываю, все еще надеясь... на что? На обман, иллю-

зию. На перенапряжение и галлюцинации. На что угодно! Лишь бы не истинность со столичным.

Хочется вдыхать еще и еще, бесконечно долго и часто. Подойти ближе. Вдохнуть глубже. Убежать хочется не меньше: от новых ощущений, грядущих проблем, от себя. *От него.*

Взгляд незнакомца скользит по мне и смещается. Острое желание, чтобы он заметил меня, подталкивает сделать шаг.

Нет, нет! Ни за что. Пусть не поймет, пусть уже откроют ворота универа, и он уйдет.

Взгляд парня цепко бродит по округе. Между бровей небольшая складка, челюсть напряжена, крылья носа трепещут при каждом вдохе.

Много, очень много секунд он смотрит мимо, а затем бледно-желтые глаза впиваются в меня. Столичный неотрывно рассматривает, разгоняет толпы мурашек весом в тонну.

Сердце замирает и вновь пускается в галоп, гонится за чем-то незнакомым.

Надо не дышать. Делать короткие вдохи через рот. Не обращать внимания на *самый вкусный запах*, который я когда-либо в своей жизни чувствовала.

Голова кружится. Разорвать прямой зрительный контакт не выходит – незнакомец не позволяет. Звуки вокруг растворяются, кроме гула в ушах и собственного сердцебиения.

Парень выходит на дорогу, не смотря по сторонам. Идет ко мне, игнорируя проезжающие машины. Внезапный

визг тормозов выбивает из меня испуганный вздох.

Незнакомец смотрит на бампер в сантиметре от своей ноги, затем на водителя, судорожно сжимающего руль, и возвращает свое внимание мне.

Внутри против воли приятно ноет. Бессознательно, бесконтрольно. Хочу, чтобы он подошел, и одновременно не хочу. Разум против чего-то пока непонятного.

Столичный хищно приближается, окатывает волнами скрытой силы. Позволяет отчетливо ощутить его запах. Не издалека. Близко. Так, чтобы задохнуться *им*.

И я задыхаюсь... Надеюсь, незаметно.

Незнакомец пугает прямым взглядом, загоняющим жертву в клетку для последующих развлечений, не оставляя пространства для сопротивления.

Альфа. Наверняка. Только они так подавляют.

Разум опасается, а нечто внутри тянется прижаться, потереться, обнять, возможно, даже помурлыкать от удовольствия.

Сжимая сумку за спиной в попытке хоть как-то себя отрезвить. Вдыхая самый вкусный запах, находясь под жестким дурманом, задача кажется невозможной.

Столичный останавливается, нарушая все мыслимые личные границы. Рассчитывает подмять энергией?

Отступаю на шаг и задираю голову. Лучше смотреть в лицо, чем утыкаться в плечо. Заглядываю в бледно-желтые глаза и что-то внутри сжимается. Томительно, волнительно, да-

же сладко.

Незнакомец настойчиво сокращает малое расстояние, что я оставила между нами. Наклоняется к волосам. Не касается, только шумно втягивает воздух.

Колени подкашиваются, желание прижаться к нему зудит все сильнее.

– Истинная? – сомнение смешивается с утверждением.

Глубокий низкий голос пробирается микротоками под кожу, распаяя сильнее. Жесткий взгляд из-под густых бровей подсказывает: обманывать не стоит, и все же...

– Нет, – вру почти уверенно.

«*Развернись и уйди! Не стой рядом*», – кричу мысленно, но незнакомец вновь приближается к шее. От горячего дыхания вздрагиваю всем телом.

Жмурюсь на мгновение не дыша. Только бы не заметил дрожь. Только бы не понял...

Он вдыхает раз за разом, порождая панику внутри.

Мне только исполнилось восемнадцать, мой запах не сформировался до конца. Полную силу обретает к двадцати годам, если не появляется исключение... Истинный рядом ускорит процесс.

Запах незнакомца сформирован полностью, я прекрасно его чувствую. Каждой клеточкой ощущаю.

«*Уйди, пожалуйста!*», – вою беззвучно.

Бледно-желтые глаза стремятся вогнать меня в землю.

– Сколько лет?

– Восемнадцать.

С силой вдавливаю язык в небо. Жалкие попытки держаться в здравом уме. По венам растекся концентрированный жар, подталкивая вперед: вытянуть руки, обнять, хоть немного остудиться *его* прикосновениями.

Не представляю, как работает истинность, но что-то внутри подсказывает: взаимность не выворачивает наизнанку, а гасит болезненную необходимость и дарит здоровое желание.

Колени подрагивают, но главное – лицо. Безразличие, безразличность, неприятие – то, что *должно* отражаться по отношению к столичному.

– Нет, говоришь?

Торопливо киваю.

– Я точно не твоя истинная.

Незнакомец неотрывно смотрит в глаза по-прежнему напряженный, натянутый. Усмехается и отступает.

– Отлично. Биомусор истинная это вышка. Застрелиться. Он ступает на дорогу, опять не смотря по сторонам.

Злость мгновенно закипает внутри. Расползается, приводит в тонус все нервные окончания. Когда-то читала истории о разрыве истинности... Пока она не активирована, ее можно побороть. Задавить. Искоренить. Не знаю как, но должен быть способ.

У меня очевидное преимущество – время и понимание, кого именно надо от себя «оторвать». Вернее, из себя *вы-*

рвать.

Кто вообще придумал насильственную привязку? Это отвратительно.

Пытаюсь унять разогнавшееся сердцебиение рассматриванием облаков. Сойти с места – риск. Вдруг ноги подкосятся, не устою и полечу на радость студентам. До конца учебы будут припоминать.

Его запах врывается внутрь с каждым вдохом. Взгляд сам собой находит на незнакомца. Нет нужды напрягаться и искать – я заранее знаю, куда смотреть.

Парень лениво идет мимо студентов, задерживаясь возле каждой девушки лишь на секунду... две... три...

Какого черта? Я еще и считаю!

Тихо простонала под нос, отворачиваясь. Соберись, Кара. Это все инстинкты, они не имеют власти. Разум сильнее.

Уговоров хватает ненадолго. Развернулась под внутренним порывом. Проклятая истинность будто кричит: «Посмотри, Карина, чем занимается *твой* истинный».

Ничем, отчего бы тянуло стыдливо прикрыть глаза, он не занимается. Нависает над одной из девушек так, как недавно нависал надо мной. Не касается ее, водит носом вдоль шеи. *Дышит* ею. Она флиртует, он отвечает с легкой улыбкой. На ушко.

Отворачиваюсь от них в другую сторону. Утонченный фасад здания через дорогу за высоким забором. Гигантские ворота из толстых железных прутьев скоро откроются и впу-

стят студентов в «храм знаний».

Тупая боль барахтается в районе желудка.

Я ведь не знаю этого парня. Совсем! Впервые увидела и уже успела возжелать и приревновать.

Проклятая истинность. Ничего хуже быть не может. Я не хочу ее. Могла спокойно жить дальше в Хилсе и за всю жизнь со столичным не встретиться. Это был бы лучший вариант. Истинность осталась бы для другой жизни... Но я здесь, и незнакомец пробрался в легкие и проник в голову.

Снова иду на поводу внутреннего порыва и разворачиваюсь. Незнакомец нависает над блондинкой, широкая ладонь упирается в забор над ее головой. Столичный флиртует, девушка заигрывает, вода тонкими пальцами по выступающим мышцам. Короткий рукав футболки демонстрирует крепко сбитые руки.

Незнакомка гладит его по щеке, элегантно скользит на шею. Парень соблазнительно улыбается и не останавливает ее.

Почему он вообще должен ей сопротивляться? Может потому что я здесь? Его истинная, вообще-то.

Огонь внутри перехватывает контроль над разумом. Ноги порывисто выносят на проезжую часть, в сторону увлеченной друг другом парочки.

Не понимаю, что творю. Нечто неподвластное, необъяснимое толкает к нему. Кричит, что касаться *его* могу *только я*. Визг тормозов и запах жженой резины развеивает дурман.

Грудную клетку сотрясает бьющееся в конвульсиях сердце.

Белая машина останавливается в считанных сантиметрах от меня. Женщину за рулем трясет, она дрожащей рукой хватается за голову.

– Простите, – произношу одними губами.

Сама не знаю, чем думала, когда выходила на дорогу.

Незнакомец все еще нависает над блондинкой, но внимание обращено ко мне. Неясно, что отражается в его глазах. Угроза? Презрение? Подозрение? Не знаю, но наваждение отступило. Не полностью, но большая часть.

Ворота на территорию университета плавно начали открываться внутрь.

Несусь к ним. Игнорирую неприятное жжение в затылке и лопатках, и ускоряюсь, чтобы не обернуться.

Из этой паршивой ситуации должен быть выход, и я его найду.

Ну, здравствуй, университет Амока. Проклятье приезжих.

В списке моих мечт это место никогда не фигурировало. Но я здесь.

Основную группу первокурсников из столичных увели сразу, а остальные, в том числе я, остались в холле дожидаться куратора.

Оливер Спенсер, низкорослый щуплый мужчина, потребовал идти за ним и не отставать. Нас оказалось всего двенадцать человек. Кто-то воодушевленно крутил головой по сторонам, кто-то, как я, твердо смотрел перед собой.

Я здесь не из-за желания учиться в столице. Классовое разделение, ни шагу не ступить без контроля. Всем приезжим присваивается код, который нельзя потерять. Уезжая, обязательно его аннулировать. Если этого не сделать, найдут и посадят за гипотетическую попытку чего-нибудь нехорошего.

Даже здесь, чтобы войти в здание универа, необходимо приложить личный код к автомату, иначе не пропустит. Ощущение, проходя через арку, что заходишь в ад по пропускам.

Много слышала рассказов от таких же, как я. Те, кого в Амоке принято называть биомусором. Если вернулся с руками, ногами и целыми органами, считай везунчик.

– У тебя необычная внешность.

Оборачиваюсь на смущенный шепот за спиной. Девушка в больших очках тербит кончик своих волос, собранных в хвост на макушке.

– У тебя тоже, – киваю ей и смотрю под ноги, чтобы не оступиться на лестнице.

Нас долго ведут лабиринтами коридоров. Мы давно прошли новые корпуса и, похоже, достигли цели.

Пахнет сыростью. Не сильно, но чувствительность к запа-

хам у меня всегда на уровне.

По широкому коридору идут три девчонки в майках и шортах, шлепая по старому поскрипывающему полу.

– О, новенькие. Добро пожаловать в ад!

Тусклые лампочки под потолком тянутся в одну линию. Одна из них замигала, соглашаясь с определением.

– Зачем вы пугаете первокурсников, Лаймова? – Спенсер покачал головой с видом строгого воспитателя.

– Чтобы понимали, куда попали. Вдруг кто-то еще успеет сбежать?

Спенсер снова качнул головой.

– Зачем им сбежать? Вы вот третий год возвращаетесь.

По лицу девушки пробежала тень. Хлопок от двери разбежался по длинному коридору и разбился о стену в конце.

Нас повели дальше. Там что-то вроде общей гостиной – без дверей, с несколькими продавленными и выцветшими диванчиками и столами.

Спенсер заговорил, когда все расселись.

– На ближайшие четыре года это место – ваш дом! – он торжественно задрал руки. Правда, без особой воодушевляющей радости в голосе. – Комнаты выбирайте самостоятельно, где найдутся свободные места. Несколько правил поведения. Не заходить в корпус «А», лучше даже не приближаться. Во избежание, так сказать. После девяти мальчики не должны находиться в комнатах девочек, девочки – в комнатах мальчиков. Завтрак – обязательный ежедневный риту-

ал. Можете пропустить обед, ужин, но на завтраке все обязаны присутствовать. Это понятно? Отлично. Так, что еще... еще... Важное сказал. Остальное потом. С вопросами и проблемами – ко мне. С ПМС ко мне не приходите, мальчиков тоже касается.

Последнее немного разрядило обстановку, даже смогла улыбнуться.

Спенсер ушел, все разбрелись искать свободные места. В коридоре оставалось все меньше людей. Я решила подождать на диване, смотря на ободранную пальму в большом цветочном горшке на полу.

Без запаха незнакомца думать гораздо легче, инстинкт не управляет. Тихо ждет, когда объект его вожделения окажется рядом.

Тупость. Истинность и все, что с ней связано, полнейшая дичь.

Мимо прошла Лаймова. Снова появилась в проеме.

– Чего сидишь? Места не хватило?

– Не знаю. Еще не искала.

Девушка кивает и идет дальше.

В конце коридора по двум сторонам по две двери. Справа душевые, слева туалеты. Убогое пространство, но лучше, чем жить со столичными.

Разделение тоже убогое. Почему они решили, что априори лучше приезжих? Да, здесь все иначе, но люди... Мы ничем не хуже. Во многом наверняка даже превосходим.

На обратном пути Лаймова задержалась.

– Идем, у нас одна кровать свободна. Шкаф маленький, почти весь занят. У тебя много шмоток?

Подхватываю сумку, без энтузиазма шагая следом за девушкой.

– Нет.

– Отлично. Я Джана, кстати. Вообще Джанет, но лучше Джана. А ты?

Она сжимает ручку двери, смотрит на меня.

– Карина. Лучше Кара.

– Кара? – усмехается Лаймова и тянет дверь. – Фиф, у нас новая соседка. Кара небесная.

Девушка с фиолетовыми волосами лежит на кровати животом вниз. Оторвалась от потрепанного планшета, обернулась с широкой улыбкой.

– Привет, Кара. Я Фиона, звать Фиф. Назовешь полным именем – задушу во сне подушкой.

Она вернулась к планшету, болтая ногами в воздухе.

Радужный прием. Иного не ожидала.

– Куда? – сжимаю сумку, по очереди смотря на две занятые кровати.

Джана падает на кровать позади кровати Фиф. Справа одно спальное место и стол.

Старый матрас, из подушки летят перья...

Придется привыкать, я больше не дома.

Глава 2

Весь день мне рассказывали о порядках и правилах, которые Спенсер никогда не озвучит. Они установлены не администрацией универа. Их установили местные. Столичные.

Спортивная площадка за беседкой неприкосновенна – биомусору там не место. Часто первокурсники по незнанию туда приходят, и если успевают убежать с целыми ногами – молодцы, пять за физподготовку. В беседке можно находиться, только когда она не занята столичными, освободить ее следует сразу, видя, что к ней идут столичные.

Правила вызвали острый приступ тошноты. Тянуло блевать вместе с легкими.

В столовой существует четкое разграничение, какие столы занимать можно, к каким вообще лучше не приближаться. Бассейн вне учебных тренировок доступен исключительно столичным.

Библиотека без ограничений, как и тренажерный зал. В первую редко ходят столичные, во второй – приезжие. Спасибо и на этом.

Первый ужин в универе проходил шумно. Новенькие приглядывались друг к другу. К столичным это не относилось, эти первокурсники быстро влились в поток. Что их и волновало, так это как понравится старшекурсникам. У нашей части столовой были задачи посложнее. Одна из них звучала

«как пережить текущий год».

После душа я погрузилась в сеть. Планшет, пусть и старенький, работает исправно. Иногда теряет связь и не дает закрыть страницу, но потом оживает.

Я зарылась в информацию об истинных. Большая часть – известные факты, но это не то. Мне известно недостаточно, чтобы понимать, как эта штука работает, как ее выключить и уничтожить.

О последнем не нашлось ни слова. Везде истинность преподносится «даром», «подарком богов», «безграничным счастьем». Какой дурак станет добровольно избавляться от счастья? Логика хромая на обе ноги.

Единственное, что удалось откопать на заброшенном форуме – название крема для тела, перебивающего запах. Кто-то писал, что действительно работает.

Незнакомец почувствовал меня, стоя у ворот, но вблизи понять не смог. Слабый запах, но только пока. Чем чаще буду чують своего истинного, тем быстрее сформируется мой собственный. В некоторых источниках указан срок от трех дней до недели. Не так уж много. Вернее, совсем мало. Достаточно лишь для поиска крема.

Я нашла несколько адресов, где он предположительно мог быть. Хотела проверить еще парочку, но девочки попросили погасить экран. Свет мешал заснуть.

На постели все неудобное. Тело проваливает вниз на старых пружинах, тяжелое одеяло колется, от подушки несет

странным запахом. Забросила ее под кровать, под голову подложила руку.

Ожидаемо не выпалась. Болит спина, шея, тянет плечи.

Не учла, сколько народа с утра ринутся умываться в одно время. Из-за очереди не смогла быстро привести себя в порядок. Задача на будущее: вставать немного раньше остальных.

– Как тебе здесь? – тихий, на грани шепота, вопрос со спины над ухом.

Та девушка, что назвала мою внешность необычной, явно смущается заговаривать первой.

Пожимаю плечами, зевая и продвигаясь вперед. Скоро, наконец, доберусь до раковины.

– Пока не поняла, но уже не в восторге.

– Мне тоже не нравится, – она продолжила говорить крайне тихо, словно боится, что ее услышат. – Соседки по комнате говорят, нас ждет посвящение. Его проводят столичные и оно... ну... для нас ничем хорошим не обернется...

Морщусь, сжимая полотенце, зубную щетку и пасту.

Идиотские порядки.

– Там такое бывает, ты не поверишь, – девушка нервно тербит кончик хвоста. – Насилие... сексуальное! Часто...

Искоса смотрю на нее, делая шаг вперед по очереди. В это как раз охотно верю. Наслушалась от знакомых в родном Хилсе, как подонки используют «биомусор» для удовлетворения своих животных потребностей.

– Тебя это не пугает?

Глаза за очками размером с большую монету.

– Меня?

Переспрашиваю, хотя и без уточнения понятно, что речь обо мне. Попытка успокоиться и не начать нервничать раньше времени.

– Я подумаю об этом позже.

Дошла, наконец, моя очередь до свободной раковины.

В зеркале – красивые изумрудные волосы, собираю в низкий пучок. Очевидный плюс моей внешности: мне подходят совершенно разные прически. Как ни крути, выгляжу хорошо. Здесь это скорее минус. Жирный. Надо выглядеть плохо, чтобы никто не обращал внимания. Еще один минус: плохо выглядеть я не умею.

Та девушка заняла раковину рядом.

– Меня, кстати, Нэнси зовут.

Вкус мяты заполнил рот. Из-за шума воды и шороха зубной щетки не смогла разобрать сразу. Сплюнула пасту, ополоснула рот.

– Кара. Ты всегда так тихо разговариваешь?

Плеснула в лицо прохладной водой, прогоняя остатки сонливости.

– Да, наверно, – неуверенность Нэнси чувствуется отлично.

Это либо поможет ей здесь выжить, либо наоборот. И лучше бы первое.

Стираю остатки воды на коже. Надо освободить место другим.

– Тебя подождать на завтрак? – интересуюсь, не отходя от раковины.

Нэнси кивает с робкой улыбкой.

Киваю в ответ и иду собираться. Для первого дня выбираю один из пяти брючных костюмов. Моя слабость.

Жду Нэнси в переходе. Она идет, постоянно дергает рукава мешковатой худи, за ней – Джана и Фиф. Они поравнялись со мной. Фиф придирчиво рассматривает меня и Нэнси.

– Молодец, быстро схватываешь, как здесь стоит одеваться, – хвалит Нэнси, а после смотрит на меня. – А ты точно не понимаешь, где оказалась. Безвкусное тряпье здорово бережет твоё тело и нервы.

Они идут дальше. Широкие оранжевые штаны развеваются в такт шагам Фиф. Тошнотно-бордовая толстовка скрывает ягодицы. Джана одета так же, только цвета другие. Первый урок искусства «выглядеть плохо».

Переодеться не успею, да и не во что. Из всех возможных вещей я привезла самое универсальное. Найдется одно худи, но к ней на теплую погоду идут черные велосипедки, на прохладную – джинсы.

К крему против запаха в список покупок добавился пункт с ужасными тряпками.

– Идем? Завтрак нельзя пропустить, – взволнованно напоминает Нэнси, вырывая из раздумий.

– Какой-то бред. Почему именно завтрак? День закончится, если кто-то не придет в столовую вовремя?

Нэнси пожимает плечами, шагая рядом.

Я не ждала, что у нее найдутся ответы на вопросы.

Столовая в новом корпусе впечатляет. Стены из панорамных окон с обеих сторон. Много света, минимализм, организованное пространство. Круглые столы, скатерти, мягкие стулья. Дорого.

Где обещанное разделение?

Кручу головой в поисках, например, выгребной ямы, перевернутых вверх дном мусорных контейнеров с ветхими стульями по бокам. Ничего такого. Слева от входа в полутени расставлены обычные столы, будто спрятанные от глаз столичных. Видимо, чтобы мы своим видом аппетит не портили.

Беззвучно фырчу и сажусь за первый же к выходу стол, спиной к дверям. Нэнси садится рядом. Бесконечно натягивая рукава, ставит локоть на стол, стараясь прикрыть лицо от заходящих в столовую.

– Не думаю, что стоит опасаться, – киваю на остальное пространство, заполненное студентами. – Наверняка кто-то из преподавателей тоже в столовой, не позволят творить ерунду.

Остальные три места за нашим столом занимают незнакомые ребята. Два парня и девушка. Непонятно первокурсники или бывалые.

Еда на первый взгляд не отличается от той, чем кормят столичных. Я не присматривалась. Главное съедобно, вроде не отравлено, блевать не тянет.

Поперхнулась кусочком абрикоса, почувствовав *его*. Тот запах, мгновенно поднимающий внутри волну цунами, готовую захлестнуть всех, но направленную только на одного.

Не пришлось оборачиваться, чтобы понять, кто появился в столовой.

Откашливаюсь, хватаюсь за чай запить першение, вдруг удастся и остальное «залить». Увы, ничего не меняется. С каждым вдохом внутренности плавают раскаленным железом, обжигают ноги, чтобы они донесли все тело *до него*.

Незнакомец занял стол по центру. С ним та же компания, что была вчера у ворот.

– С тебя полтос, – один из парней за нашим столом, кажется, Мишель, весело посматривал на Рину, новоиспеченную второкурсницу. – Я же говорил, в первый день он придет раньше.

– После пар отдам, – Рина кривит губы, кого-то буравит взглядом. – Какого черта? Он всегда приезжает к концу завтрака.

– Первый день, – хмыкает Олдос.

Они втроем учатся вместе. Вместе прошли первый курс, наверняка этим же составом рассчитывают протянуть и новый учебный год.

– Вы о нем? – указываю головой на центр столовой.

Рина откидывается на спинку, хмурится и сцепляет руки на груди.

– Макс Малин. Та еще заноза в этой большой заднице.

– Огромная заноза в огромной заднице, – добавляет Мишель.

– С ним лучше даже не разговаривать, – Олдос косится в сторону Малина. – А еще лучше вообще не попадаться на глаза.

Сперва легкие пробкой заткну. Невероятная сила внутренне тянется к Малину. Покальвание в томительном ожидании по всему телу как изоощренная пытка.

Раз существует крем для перебивания запаха, есть ли таблетка, позволяющая *ничего* не чувствовать?

Пока все увлечены едой, достаю планшет. Вбиваю в поисковик интересующий запрос. Таблеток, к сожалению, не придумали. Кроме, разве что, ослабляющих гон у альф. Это мне точно не потребуется.

Первый день вопреки ожиданиям тек спокойно. На нас никто не напал открыто. Всячески демонстрировали презрение – да, задевали плечом, якобы невзначай срывали сумки.

Один из дружков Малина подставил подножку третьекурснику из наших. Он был увлечен расписанием и описанием новых предметов, и не заметил постороннее копыто при выходе на лестницу.

Жуткое падение закончилось сломанным носом. Кто-то

наступил в лужу крови и теперь оставляет за собой кровавые отпечатки кроссовок.

– Мать твою... – парень остановился, взирая с высоты своего роста на некогда белую подошву. – Сука. Ты за них работаешь, биомусор.

Его глаза пылают гневом при взгляде на окровавленного студента. Тот зажимает нос рукой, рубашка напиталась кровью.

– Пусть тот, кто подножку подставил, обрабатывает, – поправляю сумку на плече. – А лучше дай ему щетку и кроссовки, вдруг труд сделает из него кого-то лучше обезьяны.

Нэнси, топтавшаяся за спиной, с писком прикрыла рот вытянутым рукавом, смотря на бугая огромными глазами.

Его оскал мог обещать длинную и мучительную смерть, или короткую и ужасную жизнь. Сглатываю подобранный к горлу комок, сжимаю зубы, не позволяя страху вырваться на волю. Отступаю, наблюдая за вражеским наступлением... Нет. Стоп. И не подумаю больше сдвинуться с места.

Нэнси за спиной уже открыто поскуливает, сбивая боевой настрой.

Нависшая надо мной куча мышц впечатляет. Один удар и я улечу в иные миры, бороздить просторы вселенной.

Сердцебиение ускорилося, ладони неприятно вспотели. Удержала дыхание в ровном ритме, чтобы внутреннее состояние не бросалось в глаза.

– Ты кто? – вибрация голоса ощущается даже на таком

расстоянии.

В карих радужках клубится желание показать, где мое место и куда стоит засунуть язык.

Кажется, рука расслабленно висит вдоль туловища, если бы не вздыбленные мышцы, неприкрытые коротким рукавом футболки-поло.

– Человек. По внешним признакам непонятно?

– Кара, – шепот Нэнси вперемешку с писком похож на ультразвук. – Не надо, давай уйдем. Он же убьет тебя!..

Парень, очевидно, услышал.

– Послушай подружку, биомусор. Свали, пока я не нашел твоему рту достойное применение. Хотя... и до тебя очередь дойдет, не волнуйся.

До боли сжимаю зубы, глядя в отвратительные глаза. Злость раздирает изнутри. Как лучше поступить: смолчать и уйти, или остаться и...

Резкий скачок эмоций кружит голову. Шатаюсь, но стою – Нэнси незаметно поддержала со спины. Злость смешивается с диким восторгом, утягивающим в сторону. Жар, сконцентрированный в груди, тягуче разделяется: течет в низ живота и разбегается по венам.

Сглатываю образовавшееся во рту жжение.

Малин.

Не вижу – чувствую.

Здоровяк напротив впивается в меня мерзким взглядом.

– Что, уже потекла? – он паскудно ухмыляется.

Пальцы грубо хватают за щеку. Треплет как беззащитного ребенка, только не мило, а унизительно.

Отбрасываю его руку, вкладывая во взгляд все мыслимые проклятья.

– Не трогай меня, – цежу зло.

Управляемая внутренним порывом смотрю направо. Малин наблюдает за нами, сунув руки в карманы брюк. На губах лишь намек на усмешку, на глаза спадают черные пряди волос. Бледно-желтые радужки совершенно безразличны.

Обида против здравого смысла щемит грудь.

Чертова истинность! Тело магнитом тянет к Малину.

Упираюсь ладонью в грудь здоровяка. Хочу оттолкнуть его, получилось лишь стукнуть.

Не смотря больше по сторонам, вылетаю на лестницу.

– Ты такая бесстрашная, – Нэнси торопится следом. – Я бы так не смогла.

Бурчу в ответ что-то невразумительное. Внутренности выворачивает от желания вернуться и пасть в объятия Малина. Нервные окончания будто скручены в канат.

Чем дальше убегаю, тем слабее становится необходимость в нем. Оказавшись на свежем воздухе, обнимаю голову ладонями, поднимаю лицо к небу.

Один вдох. Второй.

Свежий воздух.

Чистый.

– Я боялась, он тебя ударит, – тихий голос Нэнси тек в

уши. – Ты молодец, не отступила. Хотя это глупо, наверно... Наверняка глупо! Кара, не делай так больше. Их не исправить, а тебе здесь еще учиться.

Ее беспокойство звучит искренне, но отчего-то раздражает. Я не привыкла, когда кто-то обо мне печется. Заботится. Это слабость, она унижает.

Прикрываю глаза, сдерживая резкую реакцию. Не хочу грубить Нэнси. Она хорошая девушка, безобидная, я же и покусать могу.

Распахиваю глаза после очередного вдоха. В груди растекается приятное томление, легкие заполняет самый вкусный запах.

Передо мной – полупустая территория универа. Резко разворачиваюсь и утыкаюсь носом в мягкую ткань на твердой груди. Бешеная концентрация запаха врывается внутрь, заполняет собой всю грудную клетку. Сжимаю кулаки, чтобы ни в коем случае не прикоснуться к Малину.

– Брысь, – он небрежно бросает в сторону Нэнси.

Она настороженно, неуверенно отходит.

Я отступаю на шаг, увеличивая расстояние. Не глядя на Малина, схожу с асфальтированной дорожки, прохожу между деревьев. Здесь воздух чище.

Дышать не хочется. Дайте мне возможность только выдыхать.

Сбиваюсь с нетвердого шага из-за неприятных тисков на локте. Рывок. Зажмурилась на миг, чувствуя сквозь ткань

спиной все неровности жесткой коры.

Взгляд бледно-желтых глаз холодно, безразлично скользит по лицу. В глубине зрачка маячит непонимание.

Давлю ладонями в грудь Малина, не позволяя недопустимо приближаться. Он этого не замечает – упирается локтем в дерево над моей головой и не двигается.

– Ты что-то скрываешь? – его голос как сильнодействующий афродизиак.

– Нет.

Усиливаю давление на ладони... Тщетно.

– Вчера я почувствовал запах истинной.

– Рада за тебя. Я здесь при чем?

Малин наклоняется, но не дотрагивается. Ведет носом вдоль шеи, шумно втягивая воздух. Разгоняет по телу с ума сводящие импульсы.

– Я почти не чувствую твой запах.

– Насморк? Сочувствую.

Он усмехается мне прямо в шею.

Будь ты трижды проклят! Вместе с истинностью.

– У всех, кто вчера находился рядом, иной запах, и только ты вызываешь вопросы, – Малин задержал нос над волосами, вновь заглянул в глаза.

Теперь в них не безразличие. В них злость.

– Ты мне лжешь?

Конечно! И буду лгать. Всеми возможными способами, лишь бы ты не понял, что я твоя истинная.

– Нет, – дергаю рукава пиджака наверх, оголяя кисти обеих рук. Протягиваю запястьями кверху, – разрешаю облизать, если поможет.

Он прожег недовольством. Горячие пальцы сомкнулись на запястьях. Касание обжигает, подкидывает дров во внутренний пожар.

Кусаю губу изнутри. Держать лицо. Держать!

Под пристальным вниманием это делать очень, очень сложно.

Кончик носа Малина задевает тонкую кожу запястья, пуская дрожь по телу.

Рваный выдох вылетел через нос. По языку растекся металлический привкус. Прикусила губу до крови, лишь бы случайно не обронить непреднамеренный стон. Нежеланный.

Отвешиваю себе мысленных подзатыльников.

– Все? Или дать другие места понюхать?

Издевку в голосе Малин не проигнорировал. Рывок за запястья сперва на себя, а после снова в дерево.

Морщусь от болезненного столкновения, впившейся в позвонки коры. Горячее дыхание опалает щеку и ухо.

– Не надо играть со мной, – голос угрожающе вибрирует. – Узнаю, что намеренно скрываешь запах...

Злость переплелась с буйствующим пожаром.

– И что ты сделаешь? – предпринимаю очередную попытку его оттолкнуть.

Он отстраняется. Одним взглядом прижимает к дереву. Физическое касание не требуется.

На губах заиграла усмешка. Звериная, пугающая до дрожи в пальцах. Он подставил на обозрение спину с широкими плечами, неторопливо, уверенно направляясь к корпусу.

Дыхание, словно почувствовав, что можно – ускорилося. Разогналось вместе с пульсом, разнося по крови адреналин, страх и массу всего другого.

Глубоко-глубоко втягиваю чистый воздух, с каждым выдохом выгоняя из себя Малина. Надо успеть выбраться в город, найти крем и вернуться до вечера.

Глава 3

Злость бурлит внутри. Звенит в голове, кричит, что никто не смеет вести себя со мной таким образом. *Никто*.

Преследовать, запугивать, вдавливать в дерево... Я ведь запомню. И никогда не прощу.

Нэнси молча плелась за мной в сторону общежития. Мысленно благодарила ее за молчание. В таком состоянии я легко могу нагрубить и потом жалеть.

Стоит утихомирить эмоции. В столице они мне не помощники.

Нам остается пройти два перехода. Здесь ответвление в корпус столичных. Не обращаю внимания ни на кого. Безразличны эти лица, не имеют и сотой доли значения.

Буквально чувствую спиной тревожное состояние Нэнси. Оно словно само по себе притягивает проблемы.

– Очкастая, стой, – невыразительный глухой голос донесся с подоконника.

Его обладатель с надвинутым капюшоном опирается спиной на окно. Тень закрыла глаза, оставляя на обзорение чуть искривленные улыбкой полные губы.

Останавливаюсь вместе с Нэнси. С ее и без того бледного лица схлынула вся кровь.

Что ему надо?

– Не трясись, – усмехается он, не двигаясь. – Будешь подо

мною?

Наивные глаза Нэнси за очками поблескивают огромными сапфирами.

– Под тобой? – тихо лепечет она, сжимая натянутые рукава.

– Плохо слышишь?

Нэнси мотает головой, смотря на неизвестного в капюшоне.

Чертовы столичные. Кроме презрения ничего не вызывают. Ненавижу.

– Сам под собой будь, – бросаю зло, хватая Нэнси за руку. – Тебе понравится.

Не вижу – чувствую пристальный взгляд.

– Заступница? – Его спокойная насмешка подогревает раздражение. – Пятая комната. Когда передумашь – придишь, – он небрежно махнул рукой в мою сторону. – Ее с собой не бери.

Пальцы колет от желания врезать по наглой роже.

– Не передумает, – заявляю твердо и утаскиваю Нэнси за собой.

Парень хмыкнул так, словно уверен в обратном.

Моей злости хватит на двоих. Нэнси будто пребывает в некоем вакууме, где никаким эмоциям, кроме страха, нет места.

– Он идиот, вот и все. Не думай о нем.

В ответ донеслось тихое: «Спасибо».

Дверь моей комнаты наконец-то перед глазами. Переоде- нусь, быстро соберусь...

Потрачу на поездку часа три. Если повезет – меньше. Вер- нуться до закрытия ворот успею точно.

Вечером в девять часов они блокируются, открывает де- журный охранник. Столичных до одиннадцати впускают всех без исключения, а нас, приезжих, оставляют до утра на улице.

Возможно, улыбнется удача в виде загульного столично- го, чтобы пройти вместе с ним, но лучше на это не рассчи- тывать.

На выходе приложила кулон с личным кодом к сканеру на воротах. Система зафиксировала покидание территории университета.

Серебряная цепочка поблескивает под лучами солнца. Прячу топаз в форме сердца под ворот бежевой худи.

Личный код записывают на любую удобную человеку вещь при въезде в столицу, не приходится таскать с собой документы.

Высотки впереди отражают друг друга, небо, свет. Высят- ся гигантами, давят своей внушительностью.

Микроавтобус неторопливо увозил все дальше от униве- ра.

Зеленый район – один из немногих спокойных территорий столицы. Благодаря университету, здесь по-прежнему много парков. Отдельно стоящие коттеджи различаются размерами и вычурностью. От одних веет очевидным безвкусицей из-за обилия денег, от других чопорностью.

Табличка на въезде в Оранжевый район подсвечивается светодиодной лентой в цвет. По краям дороги друг напротив друга высятся узкие сканеры. Автобус замедлился, проезжая между ними, чтобы система зафиксировала личные коды всех, кто пересек невидимую границу.

Такие штуки установлены на въездах и выездах каждого района. Неусыпный контроль.

Не люблю столицу так же, как она не любит приезжих.

Вдалеке небоскребы престижного Желтого района привлекают внимание. Яркое солнце словно намеренно выделяет их. Делает доступными для обозрения с любого уголка города.

Автобус замедлился перед очередными рамками на въезде в Голубой район с кучей маленьких магазинов. Один из моего списка располагается здесь.

Я внимательно слежу за дорогой, чтобы не пропустить остановку и не бродить в поисках нужной улицы. У меня не так много времени.

Теплый ветер бьет в лицо едва ступаю на тротуар. Дверь за спиной беззвучно закрывается, автобус едет дальше, оставляя меня в незнакомом месте.

Автомобили проносятся мимо, создавая беспрерывный шум. Погруженные в себя прохожие никого не замечают.

Поправляю сумку на плече и направляюсь к пешеходному. Первый магазин находится через дорогу. Он оказывается маленьким квадратным помещением с развешанными по стенам сомнительными амулетами. Мужчина за прилавком внимательно выслушал, что мне необходимо, и сообщил неприятную новость: такого крема у него нет.

Вероятность найти искомое в двух других магазинах оставалась. Надежда теплилась и не угасала всю дорогу. Приятная женщина в следующем пункте назначения с сожалением покачала головой.

Трещина в уверенности достать чертов крем разрасталась. Хрустальный шар грозил взорваться миллионом осколков.

Последний магазин расположился в Красном районе. До последнего надеялась, что ехать туда не придется. Черный, Красный, Серый – три района, в которые хочется попасть в последнюю очередь. Лучше бы их вообще обходить стороной.

Поборов тревожное покалывание в стопах, захожу в полупустой автобус. В Красный район желающих ехать немного. Четыре экземпляра – все мужчины сомнительного вида.

Неприятные взгляды прилипли к телу. Борясь с желанием демонстративно скривиться, отворачиваюсь к окну.

Тепло уверенности немного успокаивает – в потайном кармане сумки припрятан перцовый баллончик. Слабая защита, и все же поможет выиграть время. К поездке в столицу

я подготовилась. Учла практически все, кроме истинности.

В голове не укладывается: как это возможно? Макс Малин. Кто он? Помимо того, что столичный и, очевидно, неприятный. Его поведение отвратительно даже в том малом, что меня коснулось.

Каким бы он ни был, истинность с ним мне не нужна. Мы никогда не станем парой. Никогда столичному не быть рядом со мной. Они все – животные. Беспринципные чудовища, для которых жизнь приезжих ничего не стоит.

Пальцами непроизвольно сжала твердый камушек на груди через худы.

Запутавшись в мыслях, не замечаю свою остановку. Водитель трогается с места.

– Подождите-подождите! – кричу, срываясь с места.

Неприятный комментарий ожидаемо догнал меня в спину. Едва коснулась кедами асфальта, автобус рванул вперед.

С виду ничего примечательного: старые высотки с множеством вывесок на первом этаже, редкие деревья по обочинам. С другой стороны дорога упирается в многоэтажку и разделяется, справа и слева скрываясь за углами домов. Обыкновенные на первый взгляд прохожие не обращают на меня внимания, я их тоже не рассматриваю.

Так и не скажешь, что Красный район имеет славу неблагополучного. Злокачественный нарост на теле столицы, наполненный притонами, борделями, подпольными клубами разной направленности. Место распространения болезни об-

щества – наркотиков. Оружием владеет едва ли не каждый житель района. Или все это лишь слухи.

Возможно, повлияло соседство с Черным районом. Там сконцентрированы все места заключения преступников, властвуют группировки. Где должен быть порядок, – тюрьмы в теории хорошо охраняются, – фактически правит беззаконие.

Поскорее найти магазин и убраться отсюда, времени для беспроblemного возвращения немного.

Заворачиваю за угол, пробегаюсь взглядом по скромным вывескам. Нужная нашлась в конце длинного дома.

На двери противно звякнул колокольчик, в нос проник запах смеси трав и каких-то курительных веществ.

Здесь точно магазин, а не притон?

Сквозь задернутые шторы на окнах едва пробивается свет. Полумрак и общая атмосфера подсказывают скорее уносить отсюда ноги.

Развернулась на пороге, сжала дверную ручку. За спиной разнесся скрипучий голос.

– Что вы хотели?

Незаметно убежать.

Не удалось.

Растягиваю губы в наигранной улыбке и оборачиваюсь.

Пожилая женщина с растрепанной копной седых волос курит трубку. Морщинистые веки щурятся. При таком освещении, вернее, почти полном его отсутствии, кажется, что

глаз у нее нет вовсе.

Она крайне медленно шаркает по полу обувью, приближаясь мелкими шагами.

Пшикать в старушку перцовым баллончиком как-то невежливо, но рука все равно тянется к сумке.

Натужный хриплый кашель пронзил тишину. Вздрогнула от неожиданности, не спеша расстегивая замок.

– Ну?

Недовольство молчанием сопровождалось кашлем.

– Крем, убирающий запах.

Нащупала прохладный вытянутый баллончик, на всякий случай сжала.

Старушка остановилась в нескольких шагах, всматриваясь в мое лицо блеклыми глазами. Трясущейся дряблой рукой поднесла к губам трубку. Тонкие, будто ниточки, они обхватили кончик.

Она снова закашляла, на этот раз не раскрывая рта.

– Крем... – хрипит она, делая маленький шаг ко мне.

Холод по спине разбегается от ее потустороннего пристального взгляда.

– От истинного бежишь? Ну, так, побегай, коль хочется, – женщина неторопливо разворачивается и бредет обратно.

– Я не бегать хочу, а связь разорвать. Он меня еще не почувал.

Хриплый смех смешался с кашлем, разбавленный шарканьем мягких подошв по полу.

– Разорвать? Ну, попробуй, попробуй. Не ты первая, не ты последняя.

Женщина исчезла в темноте. Глухое покашливание донеслось откуда-то из глубин.

Куда она ушла? Мне стоит подождать или лучше уйти?

Желание получить крем сильнее желания сбежать.

Зуд в ногах не дает стоять спокойно. Адреналин бежит по венам, будоражит. Заставляет топтаться на месте, невесомо похлопывать себя по бедру.

Шарканье стало громче, вместе с ним появилась и старушка. Дрожащие пальцы сжимают крупную белую баночку без опознавательных символов.

– Это поможет тебе скрыть запах. Вода смывает крем, не забывай. Долго будешь пользоваться, прыщи полезут.

Она сунула мне баночку.

– Я прыщей не боюсь.

– Правильно. Лучше другого эффекта страшись: непрерывное использование твой запах скроет, это верно, – блеклые глаза вновь пристально заскользили по моему лицу. – Месяц, два... а потом...

Старушка многозначительно замолчала, сунула трубку меж тонких губ.

– Что потом?

– Вонять начнешь. Да так, что никто на тебя и не посмотрит.

Неприятные последствия. Об этом информации не было.

– За месяц я найду способ избавиться от истинности.

– Хе-хе, кхе-кхм, кха...

Женщина кашляла и хрипло посмеивалась.

– Сколько я вам должна?

Перехватила баночку поудобнее, вытащила из сумки единственный и небольшой запас наличных.

Старушка не переставала кашлять и пугающе посмеиваться, смотря в пол.

– С вами все в порядке? Вам помочь?

Тонкие костлявые пальцы отделили одну купюру. Дрожь ее пальцев даже меня зацепила.

Продолжая кашлять, она махнула купюрой на дверь. Разворачиваясь, вновь приложилась к трубке, по-прежнему будучая легкими.

Я вышла на свежий воздух. За закрытой дверью глухо звякнул колокольчик.

Спрятала крем в сумку, прижала ее к себе, как сокровище.

Солнце плавно клонилось к закату, окрашивая небо в оранжево-розовые тона. Полупрозрачные облака обрели новые краски.

На полпути к остановке застыла. Гул моторов разрезал тишину улицы, асфальт вибрировал под ногами.

Шаг в сторону, поближе к крыльцу с выцветшей вывеской. На стекле двери с обратной стороны табличка «Закрето».

Рев оглушает до звона в ушах. Рефлекторно нащупала баллончик. Неизвестно чем он поможет, просто так спокой-

нее.

Впереди пронеслись два... три мотоцикла. Следом вылетел синий автомобиль, с рокотом мотора скрылся за домом. Шум по-прежнему заполнял округу, но уже не так явно.

Чем скорее уберусь из этого района, тем лучше.

Перехватываю отяжелевшую от крема сумку и иду дальше. Легкий ветер играет с волосами, ласкает лицо и руки.

Пустота на остановке и на улице пробуждает тревогу. Она слабо зудит, курсируя под кожей мелкими иголочками.

Сажусь на обломанную скамейку, посматривая в разные стороны. Над дорогой между домами висит красный диск солнца. Кровавый закат горит ярко, не ослепляя, позволяя увидеть все оттенки. Вечное непостижимое сияние.

Каждый закат уникален. В нем можно утонуть, затеряться во времени, раствориться в его беспечности, непоколебимости.

Рождение, смерть, разочарование, радость, разрушения, — что угодно произойдет, а закат будет всегда, как и рассвет. Незыблемая сила вечности.

Подперев голову кулаком, наслаждаюсь красками и тишиной, отрешившись от места.

Зря. Поздно замечаю подкативший автомобиль. Неторопливо выпрямляюсь, садясь ровно. Желудок сжимается.

Тонированное окно с тихим шелестом опускается. Парень, предлагавший днем найти моему рту «достойное» применение, паскудно ухмыляется.

– Биомусор в моем районе...

Крепкие пальцы барабанят по рулю, сам парень будто негодует.

– Таким, как ты, здесь не рады.

Холод перцового баллончика помогает сохранить внешнее спокойствие. Любая провокация с моей стороны плохо кончится.

– Учту.

Тяжелый взгляд проходится по мне, задерживается на лице.

– Днем ты больше болтала. Дерзкая рядом с сородичами? Садись в машину.

Тело каменеет. Подходящие случаю выражения вертятся на языке. Проглатываю их. Риск часто паршивое дело.

– Чтобы мой труп нашли утром в сточной канаве?

В ответ незнакомец продемонстрировал улыбку с белыми и ровными зубами.

– Будешь послушной и обойдемся без трупа. В машину садись.

Из его голоса исчезла легкость: он стал тяжелее, более осязаемый и пробирающий.

– Я жду автобус.

– Последний уже уехал.

– Лжешь, – сжимаю сумку, не двигаясь с места.

Ему точно нельзя верить.

– Как хочешь, – безразлично заявляет столичный и плавно

трогается с места.

Думал, я поведусь. Фыркаю, хмуря лоб.

Допустим, автобус действительно уехал... Черт. Добираться пешком до перехода в Голубой район, там попытаться поймать попутку...

Черт! Опоздаю. Уже опоздала.

Синее авто снова оказалось перед глазами, на этот раз водитель сдавал задом.

Задумчивость парня указывала в пользу того, что ему есть, чем думать.

– Не побежала за машиной, умываясь слезами и умоляя подождать. Долбанутая? На улице и ночь не переживешь.

Его слова подтвердили то, о чем я не хотела думать.

– Какое тебе дело? Я биомусор, забыл?

Он раздраженно качает головой.

– Заканчивай выделяваться и залезай в машину.

Хуже отсутствия выбора только выбор из двух одинаково хреновых вариантов.

Глава 4

Холодное кожаное сиденье засасывает, сковывает. Я словно сижу в вязкой, липкой жиже. Измазалась с головы до кончиков пальцев ног.

Дыхание застревает в груди. Легкие не торопятся отдавать воздух.

Автомобиль стартовал без рывков. Плавно скользит по дороге, управляемый уверенной рукой столичного.

Нагревшийся от ладони баллончик умиротворяет самую малость.

– Что у тебя там? – Парень косится на сумку, не забывая следить за дорогой.

– Ничего.

– Показывай.

От командного тона вся ошетибилась. Буду я еще свою сумку перед столичным выворачивать. Сжимаю крепче, подушечкой указательного пальца ощущаю распылитель баллончика.

Машина на скорости несется по зеленым лабиринтам улиц Красного района. Знак пересечения с другим районом пока не проехали.

Несколько вычурно одетых девиц, одна пугающая компания парней и настораживающих типов вышагивают вдоль дороги.

Да, добираться в одиночку пешком было бы проблематично.

– Показывай, – повторяет столичный, добавляя настойчивости в голос.

– Ничего нет, я же сказала.

– Грозная, огрызаешься, – протягивает неприятным одобряющим тоном. – Так даже интереснее.

Хватает сумку, глядя на дорогу, и дергает на себя.

– Ты чего творишь?! – шиплю, не отпуская свою вещь.

Столичный раздраженно цокает и выдирает сумку. Машина резко вильнула, но водитель быстро вернул ее на полосу.

Баллончик остался зажатый в руке и не укрылся от внимания парня.

– Не советую, – хохочет он. – Толку от него как от водяного пистолета. Только сильнее разозлишь или себе же в лицо зарядишь.

– Убежать успею.

– От такого же биомусора – да.

Парень мельком посматривает на дорогу, копаясь в моей сумке.

Раздражение колет шилом, толстыми иглами протыкает кожу изнутри.

– Это что? – столичный рассматривает банку с кремом.

Не твоего ума дело.

Не дождавшись ответа, открутил крышку, принялся. Кожа на носу сморщилась гармошкой, лицо искривилось.

– Фу, черт! Что это? Ты решила отравить весь биомусор? Какой ты мерзкий. Тошнит от тебя.

Забрала у него крем, закрутила крышку. Выдернула свою сумку, лежащую между его ног.

Столичный с ухмылкой следил за моими дергаными движениями, не забывая смотреть на дорогу.

– Такая серьезная, прям искришь.

Мы проехали сканеры на границе Голубого района. Долгая дорога. До универа еще два района проехать.

Сумерки окутали Амок. Ненавистная столица. Внешне красивая, но отвратительная по сути.

– Мне нравится твоя непокорность. Биомусор обычно жалкий, заикающийся, сопливый, вечно ноющий о несправедливости жизни.

Вы же в этом виноваты! Столичные. Пупы мироздания.

Молчу, сжимая зубы. Лучше не провоцировать и доехать целой.

– Слушай, что я тебе предлагаю. Расклад такой: ты идешь под меня – тебя никто не трогает, пока я не скажу «фас».

Снова это выражение. Сдерживаю короткий нецензурный ответ. Послать успею, а вот добавить ясности...

– Что значит «под тебя»? Как тебя вообще зовут?

– А, у вас посвящения еще не было, – столичный задумчиво чешет подбородок.

Авто плавно повернуло. Впереди маячат сканеры на въезде в Оранжевый район.

– Дрейк. Все просто: ты моя собственность, живешь, дышишь, ни в чем не нуждаешься. Лучшее предложение, которое ты можешь получить.

Его ухмылка злит, но главное не это. Он искренен. Он действительно считает, что сделал мне шикарное предложение, даже одолжение. Что быть чьей-то собственностью – привилегия, а не унижение.

– Нет.

– Чего? – усмехается он. – Точно долбанутая. Биомусор без хозяина и года не протянет.

– А вас, таких уникальных и возвышенных, не напрягает владение «биомусором»?

Раздражение льется в каждом слове. Сочится из каждой буквы.

– Для чего еще вы нужны? Служить нам ваше истинное предназначение, – Дрейк говорит спокойно, без пафоса.

Но слова! Их смысл... Чудовищно: таких, как он – большая часть студентов универа, и почти все жители столицы.

Мы въехали в Зеленый район. Осталось потерпеть совсем немного.

– Лучше тебе смириться, – спокойно продолжает Дрейк. – Осознать, принять и свыкнуться, если не хочешь стать общественной игрушкой.

Его смешок только укрепил мысль: он считает это фактом. Данностью, над которой и злорадствовать не имеет смысла. Абсолютное безразличное спокойствие.

Изнутри рвался шквал неприятных слов, которых столичный достоин.

Автомобиль паркуется перед воротами. Выхожу из машины первой. Я скажу... сперва попаду на территорию универа, а после сдерживаться в выражениях не стану. Обреку себя тем самым на ворох проблем, но черт возьми! Как промолчать?

Прохлада ночного воздуха пробралась под свободное худы.

Дрейк неторопливо подошел к воротам – наблюдала боковым зрением. Сама даже не пыталась открыть, все равно не пропустят.

Столичный приложил циферблат наручных часов к сканеру.

Секунда ожидания, вторая, третья...

Перед глазами пустая улица, темные листья деревьев. Принципиально не буду смотреть на столичного. По моему лицу блуждал взгляд Дрейка, с трудом сдержалась от ненавистного ответного, когда все презрение читается в каждом пятнышке радужки.

Створка ворот с коротким щелчком приоткрылась.

Влетаю на территорию, не медля ни секунды. Второй щелчок оповестил о закрытии ворот.

На середине пути к корпусу развернулась. Дрейк с расправленными широкими плечами лениво смотрит по сторонам, неторопливо идет вперед.

Слова жгут язык и обжигают горло настолько, что желание дать им свободу нестерпимо-болезненное.

– За пределами столицы тоже люди живут. Такие же, как вы. Представляешь? Мы не хуже вас, а вы не лучше нас. Все ваше превосходство надумано. Никто не обязан служить вам, полируя ботинки и член до блеска.

– Как трогательно, – насмешливо тянет Дрейк. – Кто еще так считает?

Иду дальше спиной, удерживая между нами большое расстояние.

– Все! Все приезжие!

– Тогда завтра на посвящении вы объединитесь и дадите нам, столичным, достойный отпор, – ироничный скептицизм смешался с воодушевлением.

Поворачиваюсь к нему спиной и взбегаю по ступенькам к входу.

Дадим отпор. Не сомневайся.

Джана и Фиф лежат на одной кровати и что-то смотрят на планшете. Они синхронно обернулись.

– О, нашлась пропажа, – Фиф блокирует планшет и садится.

Спину жгут взгляды, пока убираю крем в тумбочку.

– Где была? – Джана садится, скрестив ноги.

Терпела общество высокомерного столичного. Такой вечер хочется поскорее забыть.

– Неважно, – сажусь, упираясь локтями в колени.

Обнимаю лицо ладонями. От смелости распирает каждую клеточку тела.

– Мы должны бороться.

Гордость берет от твердости собственного голоса.

Соседки переглядываются с озадаченными улыбками.

– Мы? – Джана трет ладонь о свою голую коленку.

– Бороться с кем? – Фиф смотрит искоса.

– Со столичными, это ведь очевидно. Или здесь кто-то еще большая сволочь?

Вытягиваю сумку из-под кровати. Разбирать ее нет никакого желания. Достаю футболку и шорты.

– Как ты себе представляешь «борьбу со столичными»? – Джана отражает недоумение обеих. – Для чего?

Они что, серьезно? В самом деле не понимают, зачем с ними бороться? Не может такого быть. Они здесь второй год, знают лучше первокурсников местные устои и порядки.

– Вас устраивает, что с вами обращаются как с рабами?

Тревожные переглядывания соседок раздражают.

– Вам приятно чувствовать себя чьей-то вещью?

– Это не так работает, – Фиф спускает ноги с кровати, ищет пушистые тапочки.

– А как? Объясните, я хочу понять.

Фиф нарочно шаркает подошвой по истертому полу, рез-

кие движения выдают нервозность. Она сдавила ручку двери до побелевших пальцев.

– Забудь! Бунты и прочую чушь. Все пострадаем.

Дверь закрылась, оставляя меня и Джану наедине.

Забыть? Смириться с предлагаемой участью безвольного существа?

Не знаю, какой спектр эмоций в моих глазах увидела Джана. Она несколько раз открыла рот, но так и не произнесла ни звука. И все же решилась.

– Слушай, все поначалу сопротивляются. Все не так плохо, как ты думаешь. Главное – попасть к нормальному, кто бить не будет и по кругу не пустит. Многим даже платят хорошо, потом домой возвращаются и отлично живут.

Не могу поверить. Серьезно? Мне ничего не послышалось? Смириться с...

– Да что с вами не так?! – тряхнула зажатой в руке футболкой с шортами.

В комнату вернулась Фиф.

– С нами все в порядке. Ты не в провинции, здесь на твои высокие моральные принципы подрочат и кончат. Врубашь? Идиотов нет, все жить хотят.

– Жить как биомусор?

Фиф рухнула на кровать, демонстративно уткнулась в планшет.

Джана растерянно посмотрела на подругу. Отвечать самой ей явно не хочется.

– Все не так однозначно. Я уже говорила: попадешь к нормальному и проблем не будет.

Нет слов.

Просто... фантастика.

Беру полотенце и выхожу в коридор.

Душ не помог расслабиться. Нервное напряжение ощущается стянутостью в груди. По каждому пальцу словно пробегает ток.

Завтрашнее посвящение не идет из головы.

Что делать? Идти по комнатам в надежде найти единомышленников?

Нет, напрямую не стоит. Надо действовать аккуратно.

Наученная опытом первого дня встала гораздо раньше. Спокойно умылась, приняла душ и намазалась кремом от шеи до пят.

Никакого специфического запаха на теле не почувствовала. Не увидела наморщенных носов, не услышала едких комментариев. Утро шло своим чередом.

Нэнси ждала меня на выходе из блока. Натягивала рукава серого вязаного свитера, надетого поверх белой рубашки. Из-за пасмурной погоды в корпусе прохладно.

Несколько переходов мы прошли молча. На одном из поворотов перед нами появился тип, похожий на того парня,

предложившего Нэнси пойти под него. Возможно это он и был: такая же толстовка, на голове капюшон.

Нэнси замедлилась, отставая от него на несколько шагов. Пальцы сжали рукава свитера.

– Мне страшно, – произносит полупшепотом. – Говорят, сегодня посвящение... Ты знаешь, что нас ждет?

Мотаю головой. Ничего хорошего нас точно не ожидает.

Взгляд Нэнси прикован к спине в черной толстовке.

Остальной путь до столовой проделали без разговоров. Шум студентов заглушал мысли, дарил пресловутую видимость безопасности.

Среди толпы кажется, что ничего случиться не может. Защитная реакция мозга. Обманчивая. В потоке людей легче воткнуть нож и скрыться, причинить боль и остаться незамеченным.

Нож – условный страх. Вонзается безжалостно, проворачивается, превращая плоть в месиво.

Отвратительные ощущения.

Ребята уже сидят за столом. Мы с Нэнси занимаем те же места.

Мишель приветливо улыбается. Я не успеваю поздороваться, улыбка слетает с его лица.

– Черт, у вас же сегодня посвящение, да?

– О-у, – тянет Рина и насаживает бекон на вилку, – сочувствую.

– М-да, – коротко и мрачно выдает Олдос.

– Кто-нибудь, объясните, что происходит на посвящении? – Нэнси, и без того бледная, сидит огромными глазами.

Сжимаю вилку, тщетно успокаивая разогнавшийся пульс.

Рина со вздохом откидывается на спинку стула, по очереди смотрит на меня и Нэнси.

– Проверка на прочность.

– Моральную, – вкидывает Мишель.

– Физическую, – добавляет Олдос.

– Многие получают травмы, – продолжает Рина.

– Моральные, – кивает Мишель.

– Физические, – зубцы вилки Олдоса стукнулись о керамику.

Я махнула рукой с тяжелым выдохом.

– Можете не продолжать.

Нэнси без лица ковырялась в тарелке. Она словно надеялась в ней раствориться.

У меня тоже пропал аппетит.

На другом конце столовой сидят преподаватели, среди них и Спенсер. Им ведь известно, что устраивают столичные. Они знают. И допускают, потворствуют издевательствам. Потому что сами наверняка были среди тех, кто устраивал «посвящение». Поэтому они к нам относятся не лучше.

Такой абсурд: заставлять, вынуждать поступать в Университет Амока, чтобы... Видимо, чтобы обеспечить столичных «игрушками». Развлечением на время учебы. Чтобы довести неприязнь к приезжим до первогоклассного уровня.

Сквозь запах еды нос пощекотал *самый приятный аромат*. Сложный, не поддающийся описанию. С множеством подтонов, один из которых, совершенно точно, миндаль.

Прикрыла веки от наслаждения. Внутри все восторженно запело.

В грудную клетку словно засунули жар-птицу. Она встрепнулась, расправила крылья, обжигая изнутри. Уронила пламенное перо в район желудка, еще одно упало в низ живота.

К центру зала, расправив плечи, идет Малин в окружении неизменной компании.

Случайно зацепилась взглядом с Дрейком. Он усмехнулся мне. Малин заметил, проследил за траекторией.

Бледно-желтые глаза будто просверлили дыру, сквозь которую бесконечно вытекает воздух, создавая дефицит кислорода.

Сжимаю кружку, борясь с порывом подскочить с места и подбежать к Малину.

«*Отвернись. Ну же!*», – мысленный приказ проигнорирован.

Не могу перестать смотреть. Это... чудовищная сила притяжения.

Крылья носа Малина подернулись. Грудная клетка заполнилась кислородом.

Он пытается учуять. Распознать запах, который случайно уловил в первую встречу, но... Отворачивается и садится за

стол.

Без зрительного контакта натянутая пружина, готовая подбросить меня на месте, ослабевает. Только запах не исчез, он по-прежнему туманит разум.

За столом идет какое-то бурное обсуждение, а я пытаюсь отключиться от обоняния. Жаль, крем не блокирует запах истинного.

Учебное время утекало песком в огромных песочных часах. Так медленно, что казалось песок никогда не закончится.

Стандартные предметы первого курса, ничего особенного. Не считая высокомерного отношения преподавателей, поистине достойного биомусора.

Порадовало, что занятия у нас и у столичных проходят отдельно. Слышали от старших курсов о крайне редких, но всегда запоминающихся совмещениях. Надеюсь, они не случатся в обозримом будущем.

Историю ведет Спенсер. Иронично: куратор биомусора рассказывает, как же мы докатились до такой жизни. Разумеется, через призму столичного: кривую, в трещинах и пятнах.

Когда случилась древняя химическая война, из восьми миллиардов людей на планете осталось примерно сто миллионов. Разбросанные по разным частям света, наиболее здоровые начали искать убежища. Появились общины, первые оплоты выживших.

Спустя некоторое время погибла еще треть, затем еще. Оставшиеся пятьдесят миллионов быстро сократили свою численность междуособными столкновениями.

По известным данным, неточное количество оставшихся в живых едва доходило до пяти миллионов человек. Произошли мутации, превратившие запах в определение половозрелости. Тогда же появилось понятие «альфа».

Люди не стали оборотнями в прямом смысле, но и перестали быть «примитивными» – так обозначается человеческий вид до химической войны.

С того момента начался отсчет нашего времени. Из небольшого поселения вырос город, позже окрестивший себя столицей. Принято считать, что менее приспособленные и более слабые начали уезжать в окрестности, возводить регионы на земле, пригодной для жизни. Ее осталось не так уж много.

Я считаю иначе. Уезжают те, кто хочет не *бороться* за право жить, а просто *жить*. Создавать семьи и растить детей вне системы.

– Будьте благодарны за возможность находиться здесь, в университете Амока, – зачем-то произнес Спенсер в конце пары.

Сдержала презрительный смех, выходя из аудитории.

Быть благодарной за возможность быть униженной? Потрясающе.

– Кара, подожди, куда ты? – Нэнси семенит рядом, озира-

ьясь по сторонам.

– В блок.

Девушка убедилась, что столичных нет рядом. Подалась вперед.

– Ты не пойдешь на обед?

Отрицательно мотаю головой.

Нэнси снова наклонилась ближе.

– А потом?.. Ну, на посвящение...

Перед первым занятием в аудиторию вошла длинноногая брюнетка в короткой юбке. Ее шпильки стучали об пол, пока она проходила и перед каждым небрежно бросала небольшую прямоугольную карточку с датой, временем и местом. Все поняли, о чем речь.

Старшие курсы рассказали, что скрыться от посвящения никому не удавалось. Кто не приходил добровольно – при-таскивали силой и обходились куда хуже, чем с остальными. Показательная порка как примитивный метод воздействия.

– Пойду, – отвечаю без лишних эмоций.

Игнорирование привлечет дополнительное внимание, а этого лучше избегать, пока возможно.

– На обед не...

– Нет, – обрываю Нэнси, продолжая идти своей дорогой.

Наверно, не стоило с ней так резко. Наверняка ранимая натура, обидится, а больше здесь и поговорить не с кем. С Фиф и Джаной не особенно тянет на беседы.

Оборачиваюсь посреди широкого коридора. Нэнси расте-

рянно смотрит вокруг себя с высоты своего роста и разворачивается к лестнице.

– Нэнси, – окликаю ее, поправляя лямку сумки, – заходи после обеда. Пойдем вместе, если ты не против.

«Куда» уточнять не требуется. На ближайшее время у нас один пункт назначения.

Нэнси с робкой улыбкой кивает и ступает на лестницу.

Стоит подготовиться к этому... посвящению. Только как? Еще раз намазаться кремом, на всякий случай.

Глава 5

В блоке почти никого не было.

Воспользовалась обеденным временем для похода в душ и новой порции крема. Сколько и как эффективно он действует неизвестно, лучше перестраховаться.

Нэнси застала меня за выбором одежды. Она тоже переделалась и теперь выглядит длинным мешком с головой.

– Ты всегда так одеваешься? Откуда у тебя это?

Совершенно бесформенная футболка гигантского размера скрывает руки и свисает до колен поверх безразмерных шорт.

– Соседки по комнате одолжили, – Нэнси посмотрела на себя сверху вниз. – Вроде нормально, ничего не видно. Будто ничего и нет.

В самом деле, выглядит именно так. Возможно это большой плюс.

У меня подобных вещей никогда не было.

Достала обычный костюм из худи и спортивных брюк. В меру свободный и комфортный, будет удобно убегать, если потребуется.

– Ты... хорошо выглядишь.

Нэнси на стуле упирается локтями в ноги. Острые колени выглядывают из-под шорт, подстать тонким рукам.

Посмотрелась в зеркало. Действительно, сиреневый ко-

стюм хорошо сочетается с изумрудными волосами. Внешнюю привлекательность не скроешь.

– Плохо, – выдаю мрачно. – Это плохо, что выгляжу хорошо.

Никогда не думала, что произнесу подобную нелепость.

– Вдруг нам повезет? – Нэнси с надеждой смотрит в пол.

Сомневаюсь. Настолько, что готовлюсь к худшему. Буду вопить, драться, впиваться ногтями в глаза, вгрызаться зубами в руки и в любые части тела. Но сперва следует оценить обстановку. Пока неизвестно, что нас ждет, загадывать сложно.

– Возможно. Идем?

Лучше прийти вовремя. Не дожидаться, когда за нами пришлют «парламентеров».

Студенты гудят только о посвящении. Со всех сторон шепотки и откровенные разговоры «о главном». Взбудоражены даже те, кого оно никак не затрагивает. Хотя... с какой стороны посмотреть. Подобное шоу, культ из ничего, напрягает.

Местом действия указана «комната развлечений». Опытным путем выяснилось, что речь о прилегающем к бассейну зале в корпусе столичных. Там можно отдохнуть, посидеть компанией.

Кому? Разумеется, столичным.

Найти место оказалось просто: вокруг толпятся студенты. Стайка болтливых девчонок окинули нас высокомерными оценивающими взглядами.

– Зеленая еще ничего, а этот мешок с костями только по кругу пускать, – блондинка сбросила с плеча конец высокого хвоста. – И то на раз.

Поддержку своей предводительнице выразили мерзкими ухмылками. Прекрасно знают, что мы их видим и слышим.

– Тебе идет конский хвост, – смотрю на блондинку. – С твоей тяжелой челюстью идеальное сочетание. Копыта тоже интересные...

Смещаю взгляд на ее босоножки с высокой танкеткой.

Подружки блондинки с глупым видом переглянулись. Не понимают ни смысла, ни сути. Зато главная стерва распознала.

Надменное лицо приобрело оттенок сурового хладнокровия. Кобра в сравнении с ней выглядит приятней.

Она плавно приблизилась, состроив жалостливые глазки.

– Первокурсница-отброс, еще не знаешь, с кем и как разговаривать, да? – затянула притворно сочувствующим тоном. Пальцы с длинными ногтями поддели прядь моих волос.

Смерила движение уничижительным взглядом, шагнула вбок, не желая находиться с ней рядом.

Блондинка сдержанно улыбнулась, словно я несмышленный ребенок, а в глазах – холодное презрение.

– Ничего, я не обижаюсь. Тебе сейчас все объяснят.

Даже в бреде не сочту ее тон поддержкой. Мягко хватаю Нэнси за предплечье и веду дальше, больше не обращая вни-

мания на смысл слов, на звуки. На всех, кто здесь находится. Все слились в одно большое разноцветное пятно.

Фокусирую внимание, только увидев одnogруппников. Парни держатся лучше девчонок. Демонстрируют иллюзию стойкости, вселяя мнимую уверенность, что мрак рассеется раньше, чем поглотит нас.

– Идите вперед, – произнес кто-то позади.

Перед нами выход к бассейну. Вокруг никого, кроме нас.

Нэнси вцепилась в мою руку. Ее страх, вязкий и липкий, цепляется ко мне.

Наша недружная кучка движется по указанному короткому маршруту. Окружающая обстановка словно осталась за пределами видимости.

Полумрак помещения сменяется ярким светом от панорамных окон. По краям бассейна – лежаки и столики, высокие растения в кадках. Столичные вальяжно лежат, в бокалах жидкости различных цветов.

Парни в плавках, девушки в купальниках. На некоторых поверх накинута легкая рубашка.

Одна фигура притягивает внимание нестандартностью. На одном из стульев среди пальм сидит парень в черной толстовке с надвинутым на глаза капюшоном. Единственный, кроме нас, полностью одетый человек. Он будто пребывает не здесь. Со всеми и в то же время ни с кем.

Тот парень, предлагавший Нэнси «пойти под него». Она его тоже заметила.

Пальцы на моем локте сжались. Зашипела едва слышно. Потерплю. Ей точно страшнее, чем мне.

Свежий и влажный воздух смешивается с ароматом, от которого из глаз сыпятся искры, а низ живота затягивает тугий узел.

Проклятый истинный... где-то поблизости. Его нет перед глазами.

Резко разворачиваюсь, интуитивно зная, куда смотреть.

Он идет от двери как царь зверей, с несокрушимой уверенностью в себе и своей стае. Если они, животные, чего начудят, он непременно решит все проблемы.

По левую сторону от него – Дрейк с не менее важным видом. На губах нахальная улыбка, в глазах шальные черти. Наши взгляды пересекаются. Он насмешливо приподнимает бровь, обводит взглядом моих одноклассников, как бы спрашивая, нашла ли я поддержку своим убеждениям.

Стискиваю зубы и отворачиваюсь, стараясь надолго задержать дыхание. До жжения в легких. Только это не помогает.

Запах Малина ввинчивается в кости, заставляет все тело нещадно ныть от ломки: подойти к нему, прижаться, почувствовать тепло... Оно почему-то кажется чертовой необходимостью, без которой следующие минуты жизни просто невозможны.

О таком в учебниках не пишут... Не предупреждают. А стоило бы.

– Стив, все пришли? – Дрейк хлопает в ладони и расти-

рает их.

– Одного не хватает, – отвечает парень по другую сторону бассейна.

Он взобрался на стул и пересчитал нас. Так унижительно, будто мы овцы на пастбище.

Нэнси неосознанно сжимает мою руку до боли. На чувствительной коже останутся синяки.

– Ну-ка, ребятки, кого из вас не хватает? Вы ведь успели познакомиться? – Дрейк разлегся на лежаке с другой стороны бассейна.

Малин тоже разлегся там, напротив. Стив по-прежнему наблюдает на стуле.

Нас разделяет большое расстояние и тонна воды, но... проклятье! Малин будто стоит рядом и дышит мне в затылок.

Силой отвожу от него взгляд. Не надо играть на его сомнениях. Пусть Малин уверится, что я не его истинная, а каждый странный взгляд, замершее дыхание и прочее лишь подогреет подозрения.

– Кто не пришел? – шепчет Нэнси, смотря на одноклассников.

Все переглядываются, пытаюсь понять, кого нет. Я не успела запомнить каждого, память на имена и вовсе отвратительная. Временами. Это как раз тот случай. Помню лишь, что парня с пшеничными волосами зовут Питер, а рыжего с конопушками – Рюк. Девчонок, кроме Нэнси, не помню со-

вершенно.

– Ну, провели переключку? – усмехается Стив со своего помоста.

Морщусь, сдерживая рвущийся наружу комментарий. Не стоит говорить вслух, чьи головы лучше посчитать, раз заняться нечем.

– Шейн, сходи, поищи, – Малин чуть наклонился кого-то выглядывая.

Мы тоже обернулись посмотреть.

Тот, кого назвали Шейном, кивнул.

Низкорослый коренастый парень выделяется среди остальных огромными, перекаченными руками. Он весь будто надутый – ткни иголкой и сдуется со свистом. Майка обтягивает пугающий рельеф. У него грудь больше, чем у меня. Ни грамма жира в этом здоровенном теле при небольшом росте.

Столичные хорошо проводят время: приподнятое настроение, смех, в бокалах наверняка алкоголь. Их улыбки – катализатор неутихающего раздражения.

Чертова истинность добавляет злости. Каждый глоток кислорода сродни адской пытке: выжигает изнутри, оставляя тлеющее мясо до следующего вдоха.

Взгляд метался по светлым стенам и все равно неизбежно застревал на Малине. Он расслабленно переговаривался с Дрейком, не замечая никого вокруг.

Столичные ждали. Все. Пребывали в возбужденном ожи-

дании того, кто посмел не прийти своими ногами.

– Мне не очень хорошо, – шепнула бледная Нэнси. – Голова кружится и кислорода не хватает.

– Я тебя понимаю.

Еще как. Мне тоже не хватает кислорода. Чистого, в котором нет Малина. Век бы его не чувствовать.

– Долго нам здесь стоять?

Не сдержалась. Стратегия «не привлекать внимание» у меня неизменно плохо срабатывает.

Столичные не стерли улыбок, наоборот: теперь они смотрят на меня как на любопытный экспонат. Непросто забавный с виду, а еще и говорящий.

– Можешь присесть, – Дрейк кивает на свободный лежак. Рядом с ним.

Малин проводил его движение и прошелся по мне беспристрастным взглядом.

Я словно попала под комбайн: меня перемололо, разрубило на десятки частей и смешало с землей. На выдохе зажгло горло. Закашлялась под пристальным вниманием. Среди десятков взглядов только один ощущается кожей.

Бледно-желтые глаза не отпускают. Малин слегка наклонил голову. Ноздри раздуваются, грудная клетка вздымается, и единственное, что действительно радует – отсутствие его эмоций. Пока он отстраненно-равнодушен, я в относительной безопасности.

Истинность не желает этого понимать и принимать. Она

вопит, скручивает жилы под его взглядом.

Недовольное рычание и шипение отвлекло всех. Взгляды синхронно устремились на выход, Нэнси до сильнее сжала мою руку. Это слегка отрезвило. Теперь тело бунтует тише.

Шин... Ше... Шейн, кажется... Плевать, как его зовут. Он за руку тащит сопротивляющуюся девушку. Она колотит по каменным мышцам, требует отпустить и сыпет всевозможными проклятиями.

– Боже, боже, – зашептала Нэнси, – что теперь будет?

Вряд ли кто-то знает, что с ней сделают. Кроме столичных. Они с предвкушением наблюдают за брыкающейся первокурсницей, потягивают коктейли через соломинку. Для них происходящее – интерактивное представление с полным погружением.

– Пусти меня, придурок!

Как же ее имя... Кажется, ее не было на парах. Лица не узнаю.

– Почему сама не пришла? – Дрейк рассматривал ново-прибывшую.

Даже почудилось сожаление в его тоне, что само по себе удивительно. Брови сами собой приподнялись. Дрейк заметил, усмехнулся, подмигнул мне и вернулся вниманием к опоздавшей.

Он мне подмигнул?

Что, черт возьми, это значит?!

Нэнси практически прилипла к моему боку. Я плюс-ми-

нус на полторы головы ниже. При нашей разнице в росте наверняка выглядим комично.

– Я не собираюсь перед вами пресмыкаться, – шипела девушка, впиваясь ногтями в руку Шейна.

Он скривился и оттолкнул ее от себя. Она по инерции пробежала вперед, затормозив в последний момент у края бассейна.

– Фу, некрасивое слово, – незнакомая столичная заткнула свой рот соломинкой.

– Не надо ее слушать, – лениво произнес парень со смазливой внешностью. – Сама не пришла, разодрала Шейну руку, шипит и скалится. Надо ей доходчиво объяснить правила поведения в Амоке.

Столичные солидарно кивают, поддакивают. Двое крепких парней поднялись с похабными улыбками. Следом за ними встали еще двое.

Нэнси дрожит, и я вместе с ней.

Девушка пятится на нас, требуя не приближаться к ней. Столичных это лишь раззадоривает.

Наши одноклассники смело вышли вперед.

– Что вам надо? – выпаливает Питер резко и нервно. – Зачем вы нас сюда привели?

– Не торопись, не все сразу, – этот из четырех выглядит как водосточная крыса.

– Вам все подробно объяснят, – добавляет другой, отгаликивает Питера с дороги.

Рюк замахивается, но Шейн опережает удар. С замиранием проследила движение кулака. Хруст челюсти настолько явный, что к горлу подступила тошнота.

Одногруппник безвольно рухнул, отключившись.

Питер сглотнул рвущееся наружу ругательство и под взглядами пятерых столичных отступил.

Интересно, меня они тоже вырубят? Возражать не буду.

Сбрасываю руку Нэнси, изрядно измявшую рукав, и шагаю вперед.

– Меня ударишь? – холодно смотрю в неприятные глаза.

Игнорирую гул со стороны как на арене в период самого интересного. Все чувства вытеснены страхом, сковывающим по рукам и ногам.

От слишком миловидного лица напротив свело зубы, словно съела невероятно сладкий зефир.

– Ну ты-то куда, полянка... – незнакомец бросает взгляд на Нэнси. – С поганкой. И до вас очередь дойдет, не паникуй.

Я упорно не двигаюсь с места под смешки и неразборчивые выкрики столичных. В ушах только стук сердца.

Тяжкий раздраженный вздох сбоку перетянул внимание. Глухо вскрикиваю под натиском огромных рук, обхватывающих меня.

Беспорядочно бью кулаками куда, захлебываясь страхом, а через несколько секунд – водой. Она заливается в рот и в нос, давит на барабанные перепонки, жжет глаза.

Одежда быстро промокла и отяжелела. Плотная ткань тя-

нет вниз.

Отсутствие кислорода стягивает внутренности, паника погребает вместе с толщей воды над головой.

Барахтаюсь в бессмысленной попытке выплыть.

Никогда не умела плавать, но всегда представляла, как легко поплыву, если прыгну в воду.

Руки выскальзывают из рукавов, плотная ткань кофты поднимается, закрывая голову, запутывая. Не получается высвободиться из ворота!

Дикий ужас внутри вопит, изо рта вырывается паническое мычание.

Ничего не видно, кроме кофты. Хоть бы один глоток кислорода, хоть бы один.

Сознание медленно уплывает...

Что-то горячее обожгло живот. Сквозь туман ощущаю движение наверх, и, похоже, отключаюсь... С хрипом вдыхаю кислород, беспрерывно кашляя. Выплюываю воду, пытаюсь сесть, опираясь на кого-то спиной. Насквозь мокрая кофта лежит рядом.

Легкие горят. Не могу надышаться. Вдыхаю жадно, пока не осознаю, *чей* запах так отчетливо снова обосновался внутри.

Почему-то одноклассники по другую сторону бассейна. Их откровенно испуганные взгляды не помогают прийти в себя. Чуть в стороне парни пытаются справиться с брыкающейся и истошно кричащей девушкой.

Перед глазами снова плывет. Упираюсь рукой, все же надеясь подняться. Мокрая ткань под ладонью слишком грубая, а... чье-то бедро слишком твердое.

Лишь теперь замечаю, что крепкая рука, негусто покрытая темными волосками, распалает кожу в месте прикосновения.

Ужасающая догадка паскудной змеей пробирается в помутненный разум, но... нет. Нет же! Не мог Малин броситься в бассейн, чтобы...

Один полноценный вдох. Всего один, и бешеная концентрация *самого вкусного в мире запаха* течет по венам.

Вода. Крем.

Проклятье!

Вскочить, бежать, но поздно. Горячие пальцы пускают по телу разряды двести двадцать вольт, собирают с шеи прилипшие мокрые волосы. Малин оттягивает их, вынуждает наклонить голову и подставить шею.

Дергаюсь в попытке вырваться. Слишком вялой попытке. Хватка не ослабла, Малин сильнее прижал спиной к груди.

Шумный вдох раздается рядом с ухом. В животе что-то искрит, сжимается. Опускаю веки, закусывая губу изнутри.

– Не истинная, говоришь? – горячее дыхание опалает ухо, шею.

Дрожь прокатывается по телу и теряется в пятках.

– Нет, – выдаю почти уверенно и ловлю взгляд Дрейка.

Идея проносится спонтанно и резво, оставляя после себя

яркий след. Кажется, лучший выход из ситуации.

– Я принимаю твое предложение, – голос все же задрожал.

Слабая боль от рывка волос, рука на животе заметно напряглась, став едва ли не железной. Голову насильно поворачивают за волосы. Не подаю вида, что мне больно и неприятно. Сжимаю зубы, твердо смотря в бледно-желтые глаза.

– Что ты сказала? – вкрадчиво интересуется Малин, размалывая мои кости одним взглядом.

Внутри все едва ли не поет от его рук и его близости. Истинность вопит меньше: не истошно орет, а тихо мурлычет, подогревая, но не испепеляя.

Так вот как это работает...

Будет непросто.

– Я буду, как у вас это называется, под Дрейком, – повторю уверенно, запрещая себе таять в руках Малина.

Тело плавится, а разум бунтует. Я на стороне последнего.

– Ты моя истинная, – на этот раз столичный не спрашивает.

Прошло слишком мало времени с нашей первой встречи. Да, очевидно, мой запах проявился четче, но все равно пока не принял окончательную форму.

Истинность берет свое, но не так быстро.

– Нет, – заявляю твердо, не собираясь подтверждать.

Малин вновь наклоняется к шее. Медленно, давая мне прочувствовать момент каждой клеточкой тела.

Будь ты проклят. Ты и твоя истинность.

Он втягивает воздух, пальцы в волосах напрягаются, хватка усиливается. Рука поперек живота давит.

– Слабый запах, но теперь я его чувствую, – произносит Малин прямо в сгиб шеи.

Мышцы сводит от сладких импульсов.

Надо сопротивляться.

Ему. Истинности.

Себе.

– Ты ошибаешься. У тебя проблемы с обонянием, надо лечиться, – упираюсь ладонями в мокрую футболку на груди, стараясь увеличить расстояние.

Не позволил. Держит крепко, усмехаясь в мою шею. Гладкий горячий язык лизнул сгиб.

Крупная дрожь пробила без предупреждения. Короткий вздох завис на пересохших губах.

Закусила язык от слишком острых ощущений, чтобы не обронить случайный стон.

Зубы царапнули кожу в месте, где истинные обычно ставят метку. Будто удар под дых.

Кончик языка под давлением зубов отозвался режущей болью.

– Тебя выдает тело, – шепот Малина прямо в ухо.

Ежусь от щекочущего дыхания и впервые чувствую возбуждение между ног. Настоящее. Острое.

Это только из-за истинности. Я избавлюсь от нее, и, если захочу быть со столичным, сделаю выбор сама, а не пойду на

поводу ужасающе сильной... проклятой... истинности!

– Ты меня чувствуешь сильнее, чем я тебя, но это пока, – Малин продолжил сводить с ума, но так, что окружающие точно не слышат ни единого слова. – Ты ведь знаешь, что теперь твой запах сформируется быстрее?

Очередная волна дрожи прогулялась по телу. Пешком. Неторопливо.

– Знаешь, – Малин верно растолковал реакцию.

– Я уже говорила и повторю: я не твоя истинная. Пусти, – бью его по груди, требуя выполнить просьбу.

Малин не дернулся, только вновь стянул мои волосы на затылке. Это действие, смешанное со всеми не утихшими ощущениями, отзывается импульсами в самом низу живота.

– Знаешь, как работает гон у альф? – очередной обжигающий шепот играет на возбуждении, а суть вопроса, наоборот, пугает.

Читала об этом явлении. Гон бывает только у альф, происходит каждый месяц. Длится недолго – несколько часов, если альфа не знает истинную. Переносит легко и беспроblemно для окружающих. В ином случае может длиться до суток...

Гулко сглотнула, ничего не видя перед собой.

– Знаешь, – протянул Малин. – Если ты не моя истинная, как утверждаешь, я тебя не трону. Если моя...

Многочисленная пауза кувалдой давит на мозг.

Сжала бедра, живо представляя, что будет.

– Я не стану сопротивляться инстинктам и возьму свое.

– Я биомусор, забыл? – цежу сквозь зубы.

Контроль под натиском трещит по швам.

– Трахать тебя мне это не помешает, – горячая ладонь заскользила по животу, тяжесть с волос пропала.

Малин больше не держит меня.

Поднимаюсь на дрожащих ногах, придумывая, чем ответить. Желательно колким, едким...

Мысль выбили ругательства, смешанные с криками. Четверо парней то ли не хотели прибегать к слишком грубой силе, то ли просто отвлеклись и позволили той опоздавшей девушке отбиваться и вопить.

– Отстаньте от нее! – кричу, совершенно не задумываясь о последствиях.

Столичные уставились с удивлением. На меня. *За меня.*

На плечо легла чья-то рука. Дергаюсь в сторону и ошарашенно смотрю на Дрейка. Он притянул к себе за шею с шепотом:

– Борцы за справедливость здесь долго не живут.

Теплая ладонь погладила плечо.

Дрейк отошел, а его слова продолжили звучать в голове.

Однотруппники с потерянным видом, заполненные отчаянием до краев, как этот бассейн, топчутся на том же месте. Рюка на полу не видно.

Нэнси стоит в углу, обхватив себя руками. На щеках блестят слезы. Не из-за себя, очевидно. С ней, с виду, все в по-

рядке.

Девушка продолжала активное сопротивление и бесконечный поток ругательств. Очевидно, парни легко могли с ней справиться, но отчего-то этого не делали.

– Отпустите ее, – бросает Малин раздраженно. – Хватит вопить.

По бассейну распространяется осязаемое плохое настроение, охлаждающее спину.

Девушка замолкла, выдернула руку из захвата Шейна. Пятится, пока парни с недовольством прожигают в Малине пару-тройку новых дыр.

– Ты не один здесь альфа, – заявляет один из них с коротким ежиком волос на голове.

Смех, звучащий со стороны, медленно угас. Все невольно обратили внимание на мгновенно накалившуюся атмосферу.

Глава 6

Малин вернулся на свой лежак.

Воздух заискрился от разрядов, пробегающих между столичными. Похоже, ситуация неординарная.

Взгляд запнулся о парня в черной толстовке. На его губах саркастичная ухмылка, глаза по-прежнему скрываются в тени капюшона.

Как лучше обойти? С одной стороны отбитые парни, чуть не изнасиловавшие девушку, с другой – тоже столичные. На лбу не написано, кто более опасен, а рядом с кем можно передвигаться свободно.

Наклоняюсь за мокрой кофтой. Натянуть ее на себя и замерзнуть... Мрачная перспектива. Как бы ее избежать и при этом не светить бельем?

Распрямилась и невольно попала под словесный обстрел.

– Потом ее трахнешь, раз так запала, – Малин смотрит сквозь меня на столичных. – Не хочу слушать ее вопли.

Девушка, о которой идет речь, сжала челюсть, лицо налилось краской от злости. Второй раз может не повезти так легко отделаться. Видимо, она тоже это осознает, поэтому сдерживается от необдуманного выпада.

– Можешь уйти, – пожимает плечами наглый столичный, – тебя никто не заставляет здесь находиться, смотреть, слушать.

Отхожу к окну. Неторопливо пробираюсь вдоль, по периметру. Наибольшая вероятность, что друг друга поубивают и меня не заденут. Максимум кровью забрызгают. Это я как-нибудь переживу.

Малин усмехается.

– Я не спрашивал тебя, что мне делать. Я сказал, что не хочу слушать вопли.

– Мальчики, ну не ссорьтесь.

Я даже запнулась на ровном месте от протяжного и сладенького голоса. Аж зубы свело.

Блондинка соломинкой помешивала оранжевую жидкость в пузатом бокале. Обращается к «мальчикам», а смотрит на Малина. Взгляд то и дело проходится по телу и возвращается к лицу. Пухлые губы обхватили соломинку, щеки втянулись. Она проглотила напиток и улыбнулась под ответным вниманием Малина.

Длинное сверло с шипами проделало дыру в печени и легких. Неприятное жжение в области солнечного сплетения усиливается с каждым вдохом.

Нога дернулась в обратном направлении, к столичному. Помутневший разум истошно вопит, что во всем виновата чертова истинность.

Трясу головой, словно это простое действие разгонит туман. Прояснит сознание.

Часто моргаю, надеясь, что лицо блондинки с надписью «опасность» рассеется. Резко отворачиваюсь, по пути заце-

пив взглядом Дрейка. Он с легкой усмешкой наблюдает за мной.

Еще раз дергаю головой и иду дальше намеченным путем. Надо добраться до своих.

– Никто не ссорится, Лиз, – столичный, что предлагал Малину прогуляться, улыбается.

В его глазах отражается предупреждение: ничего не закончено. Или моя фантазия разгулялась на фоне происходящего.

Что между собой делить столичным? Мне кажется, внутренние конфликты у них большая редкость.

– Вернемся к биомусору, – предлагает Стив. – Никто не против?

– Все «за».

«Малин, отвечать за всех у тебя обычная практика, да?» – усмехаюсь мысленному вопросу.

Добралась до другой стороны бассейна. Столичные разбрелись, освобождая нашу территорию «приезжих».

Нэнси при виде меня потянула мешковатую футболку наверх.

С ума сошла, раздеваться на глазах у всех? Страх отчего-то кольнул, но быстро растворился. Под низом оказалась еще одна футболка.

– Возьми, – Нэнси протянула мне нелепую одежду.

Приняла с благодарностью. Это лучше, чем светить белым.

Утонула в футболке по колено. Где только находят такие вещи?

Нэнси оправила свою одежду и резко вскинула голову. Проследила за ее взглядом. Она может смотреть на кого угодно: от парня в черной толстовке до надменных столичных дамочек.

– Вы все зарегистрированы в сети Амока, – голос Малина привлек внимание. Он отскакивает от стен, становясь громче. – Каждый из вас преданно и верно служит своему хозяину. Мы не даем право выбора. У кого оно было, тот знает, – бледно-желтые глаза полоснули меня как ножом по горлу.

Пальцы Нэнси вновь вцепились в мое предплечье.

– Посвящение традиционно является неким конкурсом, – подхватил Дрейк. – Сегодня вам откроется доступ к первому этапу.

Мы участники развлекательной программы для столичных? Не слишком ли много мы должны для них делать?

– Ноги полизать, на задних лапках постоять? – опоздавшая девушка высказала то, о чем я подумала.

Столичные захохотали с протяжным «о».

– Я точно тебя трахну, – смеется тот наглый столичный, вступивший в перепалку с Малиным.

Возможно что-то и отразилось на ее лице, но передо мной только затылок. Дальнейшей реакции от нее не последовало.

– Я не хочу участвовать, – заявляю твердо, сцепив руки под грудью.

Уголки губ Дрейка подергиваются наверх, а Малин не улыбается. Совсем. Он просверлил во мне очередную сквозную дыру и обвел нас, первокурсников тошнотворно-убийственным взглядом.

– Вы представляете своего хозяина. Подведете его – отвечать будете перед ним же. Чей вы слейв узнаете из своего профиля.

Скривилась от знакомого слова. Брат рассказывал, что помимо гордого звания «биомусор» присваивается еще одно.

Слейв – невольник, раб конкретного «хозяина». Он может сдать в аренду другому, например. Обменять на другого слейва, если надоел. Может делать что угодно. Что захочет.

Будешь послушной – молодец, не будешь – бросит толпе как кусок мяса. Поэтому все безропотны и безвольны. Остальных либо сломали, либо они сломались сами.

– Все, идите, – Стив замахал кистями, будто отгоняет раздражающую букашку.

Нэнси шла рядом, не отпуская моей руки. Обернулась на кого-то и продолжила идти, не сбиваясь с шага.

За спиной остался веселый гул. Смех, разговоры, громкий плеск. Между нами, наоборот, гнетущая, гробовая тишина. Только и слышно, как сверху по крышке гроба стучит земля.

Все без разговоров разошлись по комнатам.

Фиф и Джана обкололи мою спину внимательными взглядами. Они ничего не спросили, я говорить не захотела. Рухнула на постель, разблокировала планшет. Зашла в свой про-

филь в сети Амока. Пустой. Ничего, кроме курса, имени и фамилии. Напротив последней загорелся зеленый значок с текстом «слейв».

Внутри неприятно и болезненно заныло. Выдох застрял, чтобы следом протяжно и шумно вспороть пространство.

За значком добавилось имя. Теперь первая строчка выглядит так: «*Карина Шерп слейв Дрейка Болдана*».

Планшет лег на живот, а я уставилась в потолок. Я считала, меня обойдет метка раба, что у меня не будет хозяина.

Опустила веки. Неприятная вязкая слюна поселилась во рту.

Это ведь ничего не значит, пока я считаю себя свободной, ведь так? Главное, что внутри, а не снаружи.

Снова вцепилась в планшет. Посмотрим, о каком первом этапе шла речь.

На главной странице сети Амока замелькала длинная вереница сообщений ото всех студентов.

Где искать этот... конкурс, будь он трижды проклят.

Наугад тапая по разным значкам, вылетела на страницу со списком нас, первокурсников. Сверху жирным шрифтом выведено: «*Посвящение. Этап 1*». Развернула с предвкушением чего-то гадкого. Обязательно унижительного, ведь столичные по-другому не могут.

Пробегаюсь по тексту. Одеревеневшие мышцы создают дикое напряжение в теле. Крик интуиции отскакивает от них, как от голых стен.

Нас ждала вечеринка. Вернее, не нас, а столичных. Мы, приезжие, должны их обслуживать весь вечер. Конкурс на «лучшую прислугу» в действии. Как издевательство – приписка, что для нас это шанс «неплохо заработать» на щедрых чаевых.

Унизительно. Отвратительно. Но слишком просто для столичных. Просто прислуживать? Нет, где-то между строк точно нагревается адский котел. Остается дожидаться, когда он закипит.

Пролистала однокурсников. Понять без фото кто есть кто непросто, когда с именами проблема. Нашла Нэнси. Напротив ее имени горел ярлык «слейв», но не обозначено чей.

На спине выступил пот. Футболка прилипла к коже.

Что это значит? Нэнси никто не выбрал, и она принадлежит всем?

Страх за себя не одолевал так, как неожиданно охватил теперь. Металась по экрану, словно сию минуту что-то изменится или снизойдет пояснение. Напряженные пальцы отказались разжиматься с первого раза.

Стоп, надо выдохнуть. Лучше это делать под теплым душем. Довести себя до нервного срыва – худший из возможных вариантов. Мне нужен здоровый ум, а психика – крепкая.

В душ попала без очереди. Когда вышла, обнаружила толпящихся и зевающих студентов. Зевнула по инерции, возвращаясь в комнату. Соседок нет, они застряли где-то на пу-

ти в душ.

Улеглась на постели, снова заглянула в сеть. К имени Нэнси добавилось: «*слейв Скама Аштара*».

Ни имя, ни фамилия ни о чем не говорят. Кто такой Скам Аштар?

Поинтересуюсь у девочек, когда вернутся.

Отложила планшет на тумбочку. Подтянула одеяло, устраиваясь поудобнее.

Сонное сознание отметило шорох на фоне, но сил открыть глаза нет. Перевернулась на другой бок и заснула.

Проснулась раньше остальных. Спокойно сходила в душ, намазалась кремом.

Пусть Малин меня учуял, глупо дразнить его. Истинность слишком сильно влияет, буквально подчиняет себе. Не хочу провоцировать.

За оставшееся время успела подготовиться к новому учебному дню. Мысли постоянно возвращались к Нэнси и ожидающейся вечером вечеринке.

Последнее беспокоило не так, как милая и запуганная однокурсница.

Джана вернулась из душа. На ходу сбросила с себя полотенце, ничуть не смущаясь.

Я смутилась вместо нее. Зарылась в сумке, не ища ничего

конкретного, пока Джана перебирала вещи в поисках «чего надеть».

– Кто такой Скам Аштар, ты знаешь? – бессмысленно перебираю тетради для конспектов.

– Нет. И вряд ли кто-то скажет «кто он».

– Как это?

Села ровно, теперь смотря прямо. Соседка натянула широкие штаны, завязала пояс на талии.

– Вот так! – фыркнула девушка, прикладывая к себе то одну безвкусную футболку, то другую. – Среди всех столичных Аштар самый неприметный. Я год здесь отучилась, а видела его несколько раз. Слышала о нем и того меньше. Никому не интересно его обсуждать.

– Почему?

Странно, что среди приезжих кто-то остался незамеченным. Врагов надо знать, поэтому о каждом столичном что-нибудь да известно.

– За прошедший год он никого не изнасиловал, не избил, не послал матом. Ну или мне о таком неизвестно, – Джана утонула в бесформенном свитере с ужасными цветами. – Что его обсуждать?

Она с искренним непониманием посмотрела на меня, подхватила свою сумку и вылетела из комнаты.

Любопытная логика. Исключительная. Впрочем, возможно, в этом кроется здравый смысл: не тратить силы и время на того, кто не хочет привлекать внимание.

В дверях столкнулась с Фиф. Она саркастично усмехнулась, не произнеся ни слова, обошла и осталась за спиной.

– Какие-то проблемы? – оборачиваюсь, сжимая дверную ручку.

– Никаких, – Фиф, не стирая усмешку с губ, пожала плечами и скрылась за дверцей шкафа.

Потрясающе непонятное утро. Мне с Фиф однозначно нечего делить.

Отыскать разумное объяснение, что только что было, не получилось.

Нэнси вытаптывала неизвестный невидимый узор на выходе из блока. Выглядит не более потерянной, чем обычно.

– Ты в порядке? – спрашиваю без предисловий.

В ответ получила утвердительный, но неуверенный кивок. Желание чем-то помочь скреблось изнутри. Неясно чем и для чего, но я точно должна это сделать.

– Не знаю, кто такой Скам Аштар, но мы выясним, не переживай, – понижаю голос, не давая лишнего повода нас подслушивать. – Наверняка можно что-то сделать, если он окажется говнюком, а в этом я даже не сомневаюсь.

– Кара, это я, – Нэнси, как обычно, слишком тихая.

– Что ты? Ты Скам Аштар? – усмехаюсь, ступая на лестницу.

Нэнси наклонилась к моему уху.

– Я сама его выбрала. Ну, приняла его предложение.

Хочу остановиться, но ноги продолжают двигаться на ре-

флексе.

Она сама?

– Тот парень в черной толстовке, – поясняет Нэнси очевидное. – Помнишь?

Хотела бы – не забыла. Он говорил что-то... прийти к нему и не брать меня с собой.

– Ты ходила к нему?

Нэнси смущенно кивает.

Неприятный укол обиды остается между ребер.

– Когда?

– Вчера.

Не на что обижаться. Нэнси ведь не ребенок, способна сама решать, что для нее лучше.

Могла предупредить. Наверно.

Тогда бы я попыталась ее отговорить, возможно, тем самым сделала бы хуже. Я с ней тоже не советовалась. Приняла предложение Дрейка и даже не задумывалась с кем-то это обсудить. И сама до сих пор не обдумала свой поступок как следует.

– Как ты решилась?

До столовой осталось немного. Разговаривать об этом за столом точно не стоит.

Нэнси смотрит под ноги. Приоткрытые губы будто застыли на полуслове.

– Не знаю, – она мотает головой, не поднимая взгляда. – Поддалась страху и отчаянию. Я не такая сильная, как ты.

– Пойти к незнакомому столичному в комнату... Нэнси, мне бы на такое духу не хватило.

Усмехаться и улыбаться не хочется. Уголки губ магнитом тянет вниз.

Мы все – в одной большой ловушке. За нами наблюдают и веселятся, загоняя в очередные рамки, зная, что сопротивления не последует. Безвольное стадо, безропотно исполняющее прихоти.

Сжимаю лямку сумки. Челюсть ноет от стиснутых зубов.

Повсюду эти столичные, «хозяева». Довольные жизнью и новым днем.

Швыряю сумку под стол, падаю на стул. Разговор между Мишелем, Риной и Олдосом прекратился. Они смотрят на нас, будто никогда не видели.

– Что? – набрасываюсь без видимой причины.

Ребята переглядываются, а я шумно выдыхаю.

– Извините.

Тяжелая пустота заполняет грудную клетку, придавливает к стулу. Аппетита нет. Ни грамма.

На другом конце зала за окном под давлением ветра колыхнутся ветки. Листья местами пожелтели. Сочетание цветов на фоне голубого неба впечатляет.

Что толку от красивой осени, когда не можешь ей порадоваться?

Сцепила руки под грудью, не притронувшись к завтраку. Шум столовой стучит молотком по нервам.

Сила – в спокойствии. Я далека от него как никогда.

От вида преподавателей хочется скривиться. Молча пота-
кать текущему порядку вещей, значит, быть сопричастными.

Мышцы лица окаменели. Моргнуть не получается. Перед глазами желтые и зеленые листья за окном, трава, только воз-
дух не свежий – отравленный ядом истинности. Медленно проникает в легкие, червями расползается по венам, заполо-
няет все. Мозг. Легкие. Сердце отбивается от ползучих тва-
рей, не позволяет себя отравить.

Сжимаю кулаки из-за жгучего желания обернуться. Оде-
ревеневшая смотрю в окно перед собой и не шевелюсь.

Сладкие импульсы в солнечном сплетении тянут туман-
ные щупальцы к разуму. Затмевают, опутывают ласкающими
движениями.

Посмотрела в центр зала. Столкновение с бледно-желты-
ми глазами болезненное. Я будто на скорости влетела в бе-
тонную стену и разлетелась на части.

Малин одной рукой держится за спинку стула. Втягивает
воздух, набирает полную грудь и не спеша выдыхает. Груд-
ная клетка снова расширяется под моим прямым взглядом.

Он вдыхает медленно, словно отделяет запахи один от
другого, выискивает нужный.

Крем действует хорошо. Безотказно. Блокирует мой запах
полностью.

Очередной взгляд полоснул меня острой бритвой. Малин
сел спиной ко мне.

Пальцы в кулаках ныли от сильного напряжения. Расслабилась, насколько вообще возможно.

Дрейк коротко усмехнулся мне и вернулся к беседе за столом.

Нет, все. Не могу здесь больше находиться. Поднимаю сумку и на подрагивающих коленях покидаю столовую. Нэнси что-то спрашивает, но я не оборачиваюсь.

Мне необходим *свежий* воздух. Здравый рассудок. Тело должно слушаться *меня*, а не глупые истинные инстинкты.

Глава 7

Ничего я не ждала сильнее биологии. Расширенный курс на полгода с наибольшим вниманием к окружающей среде и новым видам животных. Мутации изменили прежнюю картину флоры и фауны, существовавшую сотни лет назад.

Я ждала окончания лекции, чтобы лично задать миссис Гринвуд тревожащий вопрос. Она профессор, изучает мутации. Вероятность, что у нее найдется ответ, высокая.

Жду, когда студенты освободят кабинет, обещаю Нэнси догнать ее... где-нибудь.

Гринвуд сосредоточенно смотрит в монитор, не обращая внимания ни на что другое.

Сжав и разжав пальцы, переминаюсь с ноги на ногу и порывисто иду вперед.

Профессор коротко смотрит на меня и возвращается к созерцанию экрана.

– Что вы хотели? – строго спрашивает она, тапая по тонкому сенсорному монитору.

Плечи ноют от напряжения. С тяжелым дыханием покусываю губу изнутри.

– Разрешите задать вопрос не по теме лекции?

Гринвуд смотрит на меня с видимым недовольством.

Колено дернулось в нетерпении.

– Спрашивайте. У вас одна минута.

Вопрос, который формулировала на протяжении полутора часов, испарился под суровым взглядом.

– Мне хотелось бы узнать... Может быть, вы порекомендуете книги про истинность?

Губы женщины изгибаются в саркастичной улыбке.

– Конкретно интересует, какие существуют способы от нее избавиться.

Улыбка пропала. Губы Гринвуд вновь вытянулись в линию. От ее взгляда по загривку пробегает холодок.

– Почему вас это интересует?

Углубляться в детали не планировал. Истинность встречается не так уж часто, чтобы распространяться о ней перед незнакомыми.

– Для общего развития, – улыбаюсь и понимаю, что вышло слегка нервно.

Гринвуд приподнимается, садится поудобнее, откинувшись на высокую спинку кресла.

Для женщины за сорок она выглядит весьма неплохо, и всячески стремится это подчеркивать. Об этом прямо-таки кричит ее декольте на белой блузе.

– Истинность – химический процесс в организме, запускающий определенный набор инстинктов, – тон профессора немного смягчился.

Отрывисто киваю, соглашаясь.

– Его наверняка можно остановить. Он ведь не является необратимым?

– Вы задаете вопросы, непохожие на те, что «для общего развития», – Гринвуд покачивается на кресле, пристально наблюдает.

Она ждет реакции. Опровержения или подтверждения, но точно следующее слово предстоит говорить мне.

Стиснула лямку сумки, колено вновь последовало короткому ритму.

– Просто пытаюсь понять.

Попытка ответить с легкостью почти удалась. Меня явно выдает напряжение, видимое невооруженным взглядом.

– Насколько мне известно, химическая реакция, которая вас по какой-то причине интересует, необратима, – миссис Гринвуд подается вперед и складывает перед собой руки на столе.

Сердце точно пропустило удар. Сбилось с ритма, замедлилось.

Во рту сухо. Надежда, питающая организм живительной влагой, иссохла.

– Истинность недостаточно хорошо изучена, мисс Шерп. Желаящих от нее избавиться мне встречать не доводилось, – тон профессора приобрел азартную горячность исследователя. – Это была бы большая удача найти человек с истинностью, согласного на... эксперименты.

В ее глазах загорается любопытство наравне с жадой. Немного пугающей.

Никогда не мечтала стать подопытной. Подвергнуть се-

бя сознательному риску. Любой опыт над организмом, несомненно, представляет опасность. Большая удача, если в результате экспериментов я не пострадаю и при этом избавлюсь от истинности. Но... если что-то пойдет не так?

Тру занывший висок. Мысли сотнями мячиков отскакивают от черепной коробки, сталкиваются друг с другом в тесном пространстве, разбиваются.

– На эксперименты? – переспрашиваю, сдвинув брови.

Острый нос туфли под столом постучал по полу. Гринвуд пожевала тонкими губами, щедро выделенными алой помадой.

– Истинность недостаточно хорошо изучена, мисс Шерп, – повторяет она с улыбкой во весь рот. – Мы с вами можем совершить открытия, только подумайте об этом. Если, конечно, вы не испугаетесь.

Ироничный тон и взгляд свысока отрезвляет. Решения на эмоциях часто приводят к поражению.

– Мне необходимо подумать, – заявляю уверенно, хотя и напряженно.

Фанатичный огонь буквально вырывается из глаз Гринвуд. Облизывает ресницы, достигает бровей.

Чертовски пугает.

Вновь сжимаю ляжку сумки, стискиваю. Демонстрация страха даст очевидные преимущества профессорше.

Она медленно кивает, улыбается, откидываясь на спинку кресла. Подпрыгнувшая грудь натянула пуговицу шелковой

блузы.

– Вы знаете, где меня найти.

В ответ растянула губы в фальшивой благодарности.

Вылетаю из кабинета, не смотря по сторонам. А стоило.

Тело срабатывает на рефлексах – выставила руки перед столкновением. Едва не снесла человека и не рухнула сама.

Растерянно потираю лоб, провожу по волосам, смотря на парня в черной толстовке. Капюшон, как обычно, скрывает глаза, но я отчетливо чувствую его взгляд.

– Я ненамеренно, извини.

«Хозяин» Нэнси усмехнулся. Он, похоже, не собирается мне мстить или как-то наказывать. Обычно столичные именно так и поступают.

– В себе интереснее?

Скам, кажется? Он совершенно точно не злится.

– Знаешь, да. Безопасная территория.

– А здесь – нет, так что смотри по сторонам, – он продолжил свой путь, не обращая ни на кого внимания.

Снова будто со всеми, но отдельно. Странное, необычное впечатление. Он столичный, а словно приезжий.

Я развернулась в противоположную сторону. На обед не хочется. Я не завтракала, но чувства голода нет.

Лучше пойду в блок. Вдруг в общей сети удастся найти информацию об экспериментах над истинностью. Успешных и не очень. Любых.

Какое-то подтверждение, что они были, пусть и неудач-

ные.

За несколько часов поисков отыскала только имя ученого – Карл Кристмал. Шесть лет назад он проводил опыты над истинностью, но все работы ученого засекречены. Получить к ним доступ можно только сделав официальный запрос. Даже в таком случае мне доступ никто не даст.

О самом Кристмале информации тоже немного. Живет в Амоке, возглавляет Совет ученых-биологов.

Почему его эксперименты засекречены? Что такого ужасного произошло во время опытов, раз это решили скрыть? Или опыт, наоборот, удался?

Наверху экрана выскочило уведомление из университетской сети.

«Этап 1. Сбор в 18:00 у ворот. Начало в 19:00»

Прекрасно, нам оставили полчаса на сборы.

Борясь с внутренним протестом проигнорировать заносчивых засранцев и послать их ко всем чертям, несусь в душ. Лучше обновить крем, во избежание... неприятных ситуаций.

Напоролась на Нэнси. Она застыла над раковиной и пристально рассматривает себя в зеркале. Подпрыгнула на месте, уставилась на меня.

– Тебя не было на обеде, – она сконфуженно переминается

с ноги на ногу. – Все в порядке?

– Да, а у тебя?

Она кивнула в подтверждение.

– Что это? – ее взгляд прикован к белой банке. – Собираешься на первый этап?

– Крем для тела, – покрутила им и скрылась в одной из кабинок.

Нэнси не ушла. Сквозь мутное стекло ее размытый силуэт на прежнем месте.

– Как думаешь, что нас ждет? Ну, на этом этапе.

Тихий голос едва пробивается сквозь закрытую дверцу.

Я разделась, ежась от холода. Сжала душевую лейку. Не хочется произносить вслух. Признавать очевидное.

– Я не знаю, правда. Сложно представить.

Шум воды перекрыл громкие мысли. Тяжесть в груди перестала быть отчетливой.

Истинность, посвящение...

Зачем мне все это? Почему я должна с этим справляться?

Шею стянула невидимая петля отчаянной безысходности, выталкивая ответ наружу.

Потому что иначе меня просто не станет.

Раздавят. Морально и физически. Уничтожат.

Выстоять необходимо для себя же. Кроме себя у меня здесь никого нет.

Я всегда полагалась только на одного человека. Кара Шерп еще никогда меня не подводила. Буду и впредь при-

держиваться веры в себя.

Нэнси не стала дожидаться – ушла. Проницательная де-вушка знает ценность личного пространства.

Крем в банке неприятно пахнет. Сморщилась, под-цепляя сероватую субстанцию двумя пальцами. Прикрыла крышку.

Видимо, при развитии побочки я начну так же вонять. На-до решить проблему истинности надо прежде, чем проявит-ся неприятный эффект.

Противный запах крема исчезает при соприкосновении с кожей. Растворяется, будто и не было.

Времени осталось мало. Переоделась в тот же костюм, в котором вчера искупалась в бассейне. Собрала волосы на за-тылке в короткий хвост.

Всего за несколько дней кожа изменила цвет. Нездоровая бледность мне не нравится.

Роюсь в косметичке, выискивая любимую помаду. Напо-ловину стертая, глубокого бордового цвета, бархатом ложит-ся на губы. Четко очерченные контуры визуально увеличи-ли. Теперь бледность изящная, а не больная.

Нэнси топталась на выходе из блока, натягивая длинные рукава свитера на кисти. Она робко улыбнулась мне.

– Ты, как всегда, хорошо выглядишь, – произнесла почти шепотом.

– Ты тоже. Тебе идет этот свитер.

Серый цвет, как ни странно, действительно подходит Нэн-

си. Даже врать не пришлось.

– Вчера в бассейне я думала, что все будет плохо. Нас изобьют, изнасилуют, – тихо говорит девушка, шагая рядом, – а они нас отпустили. Может и сегодня будет так же?

В ее вопросе звучит надежда. Искренняя вера, что все действительно обернется сносным финалом.

Что-то в груди сжимается от этой мысли. Интуиция просит не обманываться, но пугать Нэнси еще больше не хочется.

– Возможно.

Уклончивый ответ ее устроил. Она молчала весь путь до выхода из универа.

– Если бы я могла, я бы ни за что в этом не участвовала, – Нэнси смотрит на наших однокурсников, столпившихся у ворот.

На дороге стоит белый микроавтобус.

– Надеюсь, нас повезут не на мертвые земли, – голос мрачный, как ни стараюсь.

Сам факт, что нам предстоит уехать в неизвестном направлении, не вселяет оптимизма.

– Может это нехудший вариант, – Нэнси тяжело вздыхает. Воображение сработало безотказно.

Картинка, как нас вышвыривают на красно-оранжевую с бордовыми прожилками землю, нарисовалась ярко. Ладони закололо, будто я уже обожглась.

Самовнушение – сильная штука.

– Кого-то придется принести в жертву, чтобы добраться до города, – я продолжила развивать худший вариант, пока мы шли по дорожке.

– Придется слушать крики боли, – Нэнси снова оттянула рукава. – Я не смогу.

Что-то внутри подстегивает продолжить.

– Обувь истлеет, ты почувствуешь запах горелой кожи...

Нэнси морщится, словно в самом деле его чувствует.

– Повсюду будут слышны мучения, плач, дышать будет все труднее...

– Ты специально, да? – перебивает Нэнси, насупившись. – Мне страшно, да. Нагонять панику я умею превосходно.

Беззвучно согласилась с безобидной усмешкой.

На подходе ворота открылись. Встрепанные студенты прикладывали личный номер к сенсору, отмечая выход за территорию.

Вереница неторопливо, опасливо скрывалась в автобусе.

Прикладываю кулон к замку. Короткий писк оповещает о записи в системе. Следом отметилась Нэнси.

Места в начале автобуса все заняли.

Мадина, оказавшаяся вчера в центре всеобщего внимания в бассейне, хмуро смотрит в окно.

Она была на занятиях, теперь знаю, как ее зовут.

В конце осталось несколько свободных мест. Села к окну, Нэнси опустила рядом. Ее тревога звенит глухими колокольчиками, смешиваясь со звуком общей напряженности.

Оркестр безвольных пугливых рабов.

Последние расселись, автобус с глухим рокотом завелся. С шорохом закрылась дверь.

По грудной клетке изнутри что-то ударяет. Словно меня вместе со всеми загнали в клетку и заперли ее. Ключ не требуется, ее можно открыть, но вряд ли кто-то решится это сделать.

Муха бьется в стекло, не видя, что рядом распахнута створка. Это ведь так похоже! Выход где-то рядом, но его не видно.

Однотруппники негромко переговариваются. Предполагают, куда нас могут везти. Один из вариантов мы с Нэнси обсудили раньше, другие были один другого мрачнее. Самый беспредельный, на мой взгляд – разделить нас на пары и отправить на ринг, а столичные будут зрителями, делать ставки.

Прискорбно, что ни один из вариантов отметить не следует.

Мы почти пересекли Оранжевый район. Впереди на границе высятся сканеры и мигающая табличка «Желтый район».

Проглатываю передавшийся воздушно-капельным путем тревожный комок.

Желтый. Средоточие элиты. Дорогие дома, авто, люксовая одежда, заведения иного уровня. Место, где за деньги исполнят любой каприз.

Казино, рестораны, всевозможные места развлечений. Смешно, даже тротуарная плитка иначе блестит под лучами заходящего солнца.

Сюда невозможно попасть потому что «захотелось». В Желтом районе необходимо либо родиться, либо заслужить свое место. Нельзя купить здесь дом, потому что появились «лишние» миллионы и очень захотелось их потратить. Система не пропустит. Сперва необходимо доказать, что достоин места среди «лучших».

Как? Возможно ли честно, в согласии с совестью, пройти этот путь и сохранить человечность?

В окне отразились искривившиеся губы.

Столичные селят приезжих в Серой зоне. Район заранее обреченных на вечное прозябание. За все время выбраться оттуда удалось единицам. Не хочу думать, *как именно* у них это получилось.

Редкие прохожие в дорогих костюмах остаются позади автобуса, провожают его недоуменными взглядами.

– Нас продадут в рабство? – шепот Нэнси тупой пилой скользит по уху.

Разве мы уже не в нем?

– Едва ли те, кто здесь живет, захотят за нас платить.

Слабый аргумент в пользу спокойствия, но другого нет.

Оранжевый закат отражается в высотках, играет огненными цветами. Отвлек от внезапной остановки.

– Похоже, приехали, – бормочу, глядя на стеклянные за-

темненные двери за окном.

Перед ними на тротуаре недвижимо стоят два человека в черных костюмах. Над ними вывеска с лаконичным названием «Годно», – ни малейшего представления, что это за место.

Мадина в проходе между сидениями наклоняется, всматривается в окно.

– Ночной клуб для богатых отморожков, – презрительно заявляет она, будто знает наверняка. – Нас точно не потанцевать привезли.

Она одергивает расстегнутую косуху и первой выходит из автобуса.

– Видишь, а ты меня смелой называла, – я встаю и иду на выход.

Никто больше не спешит вставать с мест.

– Боюсь, ребят, отсидеться не получится, – произношу с сожалением и выхожу на свежий воздух.

Мадина уже у входа. Один из охранников – в том, что это они, сомневаться глупо, – распахивает дверь не глядя. Ни «покажите сумочку», ни уточняющих вопросов. Вдруг в карманах нож-бабочка? Острый «привет» для столичных.

Передо мной также распахнули двери без лишнего внимания.

– Бомбу пронесу, вы не заметите, – шутка показалась уместной.

Мужик вытягивает левую руку и преграждает путь. В его серых глазах нет и намека на чувство юмора.

– Самая умная? – спокойно интересуется охранник грудным басом.

– Нет, – улыбаюсь в ответ. – Просто умею шутить.

Охранники переглянулись. На лицах нарисовались ухмылки.

– Кофту снимай, шутница.

– Зачем?

Шагаю назад и спиной натыкаюсь на кого-то позади.

– Досматривать будем.

Их невозмутимость поражает.

– Я не стану раздеваться, – заявляю твердо, полностью уверенная в своих словах.

Клещи слегка сдавливают легкие, воздуху течет свободно, но расслабиться не получается.

– Внутри ты пройдешь – без вариантов, но только после полного досмотра, – с притворным снисхождением поясняет бугай. – Либо сама разденешься, либо мы разденем тебя. Выбирай.

Какого... черта?

Два идиота обделены и крупницей юмора, и вынуждают меня страдать из-за этого?

Однокурсники шепчутся за спиной. Никто не спешит встать на защиту, поддержать, помочь.

Никто.

Стискиваю зубы, утягивая худи наверх. Сжимаю в руке, унижительно демонстрируя спортивный лиф. Нет, я точно

выгляжу отлично, но ситуация – унижительная.

Охранники прячут усмешки, осматривая со стороны.

– Повернись, – приказывает один из них.

Челюсть пронзает острая боль от сильного давления зубов. Разворачиваюсь, намеренно ни на ком не фокусируюсь. Взгляды ощущаю каждым сантиметром кожи.

Невероятно противно.

– Штаны тоже снимай, – распоряжается второй.

Поворачиваюсь к охранникам лицом, кипя внутри.

– А не пойти ли тебе в...

– Либо сама, либо мы, – перебивает бугай с той же снисходительной насмешкой.

Я могу уйти. По пути к границе с Оранжевым районом меня наверняка схватит патруль, но даже на это плевать. Столичные явно запомнят мое отсутствие и придумают нечто мерзкое в качестве наказания.

И что лучше? Раздеться полностью, разозлить столичных или попасться патрулю? Последнее может обернуться увечьями, равно как и второе.

В очередной раз скрипнув зубами, тяну резинку теплых свободных спортивных брюк вниз. Снимаю кед, второй. Встаю белыми носками на холодную тротуарную плитку.

Осенний ветер облизывает кожу, уничтожая гладкость. Тысячи мелких точек совершенно точно не портят вид, а вот ощущение собственной никчемности давит петлей с грузом.

– Трусы снимать? – цежу зло. – На кресло посадите, по-

смотрите. Проверите, вдруг что-то припрятала.

Охранник освобождает проход.

– Заходи, и больше не шути, – предупреждает он, наблюдая, как я хватаю кеды.

Внутри наверняка есть туалет, оденусь там. Задержусь здесь хоть на секунду и точно кого-нибудь покусаяю.

Длинный темный коридор тянется в полумраке. Черные стены поглощают свет тусклых нитей диодов, протянувшихся под потолком. Плитка леденит ступни, носки не спасают от холода.

Дыхание замирает. Пульс учащенным галопом мчится вперед от неожиданного появления мужчины в серой маске. Он молча вытягивает руку. Пальцы в серой бархатной перчатке указывают вперед, на черные портьеры.

– Где туалет? Мне надо одеться, – показываю зажатые в руках вещи.

Мужчина мотает головой и настойчиво указывает на портьеры.

Проклятье.

– Мне здесь нужду справить? – раздражение плещется через край, грозя затопить все вокруг.

За непроницаемой маской я ничего не увидать, но, кажется, мужчина усмехнулся. Не сдается, показывает на портьеры.

– Надеюсь, эта маска приклеится к твоему лицу до окончания веков, – желаю с милейшей улыбкой и заглядываю за

плотную бархатную ткань.

В унисон с пульсом звучит приглушенная ритмичная мелодия. Спина Мадины, закрывает обзор. Мягкий свет бликами плавает по потолку, гуляет по просторному помещению.

Прижала к себе одежду, портьер холодом облизал обнаженную спину.

– Чего так долго? – недовольно спросил некто, кого я не вижу. – Где остальные?

Выглядываю из-за Мадины. Теперь понятно, почему она застыла и предпочла не двигаться. Картина... впечатляющая. В самом отвратительном смысле слова.

Часть пространства скрывает густой полумрак – и к лучшему! На достаточном расстоянии от входа на черном кожаном кресле восседает блондинка. Хорошо помню ее взгляд, пожирающий Малина.

Прикрываю веки, прогоняя непрошеное воспоминание.

У ног блондинки на полу сидит парень. Я точно видела его в нашем блоке, он из приезжих, но старше. На его шее блестит черный ошейник с шипами. Рука согнута в локте, на ладони поблескивает блюдо с клубникой.

Пальцы с острыми алыми ногтями берут одну ягоду, пухлые губы смыкаются вокруг нее.

– Что это? – тихий писк за спиной отвлек от поразительной картины.

Нэнси с неприкрытым ужасом обводит помещение взглядом. А посмотреть есть на что.

Столичные... «хозяева»...

У дальней стены на диване двое столичных бурно что-то обсуждают, а перед ними на четвереньках стоит девушка. Лица не рассмотреть. Ее голая спина используется в качестве столика. Она вздрогнула от холодного дна бокала с чем-то темным. Неприкрытая грудь, похоже, совершенно никого не смущает.

Мы двигаемся в сторону, чтобы однокурсники могли зайти.

О чем я переживала? Что я раздета? В сравнении с большинством здесь я даже не голая.

Слева, там, где зал сужается и уходит вглубь, столичный затянул девушку в нишу. Черная юбка толком ничего не прикрывает, грудь обтягивает короткий топ. Ажурная маска на лице могла бы сбить с толку, но я готова поклясться, что это Джана.

Тонкую шею обхватывают пальцы. Столичный скрывается в темноте ниши, а девушку повернута лицом ко всем желающим на нее посмотреть.

Мне кажется или я действительно услышала его приказ:

– Ни звука, поняла?

Джана кивает, выгибается. Пальцы продолжают крепко держать ее шею. Джана закусывает губу, веки с трепетом опускаются. Короткие ритмичные движения не оставляют сомнений, что с ней делает столичный.

– Проходите, не стесняйтесь, – тянет блондинка и прячет

во рту очередную ягоду.

Я кривлюсь не скрываясь. До чего все же противный голос.

– Ищите своего хозяина. Вам скажут, что делать, – подсказал проходящий мимо слейв.

В одной руке коктейль, в другой – опахало. Он быстро исчез в темном ответвлении.

– Убила бы, – тихо заявляет Мадина и идет вперед.

Я осталась без прикрытия. Бросила кеды на пол, быстро надела кофту.

Нэнси натягивает рукава и судорожно всматривается в темные углы, продолжая стоять рядом со мной.

– Они тебе не пригодятся, – тошнотворный голос блондинки отвлек меня. Не успела сунуть ногу в штанину.

Смотрю на столичную из полусогнутого положения. Притворно милая улыбка вызывает желание послать далеко и без обратного билета.

– Я не ты. Предпочитаю быть одетой, – все же вдеваю правую ногу в штанину.

– Кисунь, у тебя ужасные манеры. Надо быть вежливой, – блондинка выпячивает пухлые губы. – Чей ты слейв?

Натягиваю резинку на талию, оправляю кофту. Рядом никого из однокурсников нет, Нэнси тоже ушла.

– Дрейка.

Столичная растягивает губы в довольной улыбке.

– Я попрошу его научить тебя хорошим манерам.

Сжимаю кулаки, сдерживаясь от ответа. Лучше не провоцировать стерву.

Иду наугад, не видя Дрейка среди столичных в этом зале. Единственный путь ко второму – по темному проходу мимо ниши.

Непроизвольно поднимаю взгляд на Джану, идя мимо. Она ловит его. В моих совершенно точно отражается неприятие, а в ее – смирение.

Позволять трахать себя на глазах у всех... Столичный предусмотрительно в тени, соединение тел скрывает узкая полоса юбки, но сам факт это не отменяет.

Отворачиваюсь и иду дальше. Омерзение к столичным увеличивается с каждой минутой.

Заглядываю в маленький зал слева. Стив с камерой ходит вокруг широкого дивана, на нем две старшекурсницы из приезжих сливаются в поцелуе, откровенно ласкают друг друга.

– Плохо! – кричит Стив. – Дайте больше страсти! Вы будто мои ботинки вылизываете. Во, точно: представьте, что обе сосете мой член. Да-а, вот так...

Рвотный позыв разворачивает меня обратно в широкий темный проход. Кашляю от скручиваний в желудке.

– Как вы все отвратительны... – пробормочу, проходя дальше.

Приезжие отвратительны не меньше, потому что позволяют так с собой обращаться. Неужели не пытались бороться?

Все поголовно покорные овечки?

По диагонали идет свет из косого прохода. Увидеть кто там возможно, только заглянув внутрь. Все внутри протривится этой мысли. Я не хочу видеть очередную гадкую картину. Если просто позвать Дрейка?

Да, так он и выйдет на зов биомусора.

Выдохнув, в несколько шагов приближаюсь к входу и заглядываю в комнату еще меньше той, где снимается порно.

Взгляд фокусируется, но мозг не осознает картину. Легкие срабатывают быстрее. Одного короткого вдоха хватает, чтобы внутренности скрутило, только иначе. Вместе с *самым вкусным ароматом* нос забивает отталкивающий горький, приторный запах. Смесь приятного с омерзительным выворачивает наизнанку, ласкает лезвием ножа.

Малин на одном из кресел полулежит с закрытыми глазами, откинув голову на спинку. Между широко расставленных ног устроилась, очевидно, приезжая. Мне на обозрение досталась голая узкая спина, полы короткой юбки едва прикрывают зад.

Я бы с удовольствием перекрыла себе кислород, чтобы ничего не чувствовать. Раскаленный прут с загнутым концом щедро провернули несколько раз сперва в одну сторону, затем в другую.

Грудной стон Малина служит катализатором. Истинность перестает молча терпеть и обретает голос... Вернее, звук. Чужеродный рык вырывается... у меня.

Что за... черт!

Зажимаю рот ладонью, смотря в кусающиеся бледно-желтые глаза. Вдох вызвал очередной позыв выbleвать все внутренности, и тут же сменился желанием причинить боль, отстоять свое.

Проклятье!

Разворачиваюсь под пристальным взглядом. Главное не дышать, пока не буду как можно дальше.

Впервые за много лет глаза жжет от невесть откуда взявшихся слез. Я совершенно не контролирую собственное тело! Оно бунтует против меня. Не слушается. Я не хочу реветь. Не желаю реагировать на запах Малина. Не хочу испытывать все, что он вызывает из-за проклятой истинности.

Разум сильнее!

Не видя ничего вокруг, пересекаю первый и самый большой зал, влетаю в очередной темный коридор. Здесь нет даже блеклого света под потолком. Крошечные затемненные светильники на правой стене на большом расстоянии друг от друга.

Предплечье взрывается болью. Шиплю, ощущая себя тряпичной куклой. Спина вжимается в холодную стену, а в нос с новой силой забивается знакомый запах. Гадкая посторонняя примесь теперь не такая яркой, но все же есть.

Непроизвольно морщусь, смотря в ненавистные глаза.

– Отпусти, – цежу зло и дергаю плечом, которое крепкая ладонь впечатывает в стену.

Игнор. Малин наклоняется к шее, шумно втягивая воздух. Дыхание разбегается по коже. Мурашки от маленького участка расползаются по всему телу. Заполняют все, подкашивая колени от близости Малина.

С каждым днем он влияет сильнее. Прежде было проще бороться с притяжением, а ведь прошло всего несколько дней.

– Что ты используешь? – требовательно спрашивает Малин, продолжая меня обнюхивать.

– Ничего, – вру уверенно и безжалостно.

Нос Малина задевает губы. Крупная дрожь пробивает копьем, пронзает пятью молниями сразу.

Случайное касание с убийственным эффектом.

Впиваюсь ногтями в ладони, мысленно окатывая себя ледяной водой. Щедро сыплю лед в тело.

– Я чувствовал тебя вчера. Слабо. Сегодня запаха нет, – хриплый голос Малина танцует на мне танго.

– Я уже говорила, тебе надо лечиться.

Мой голос внезапно тоже захрипел. Предательски. Совершенно мне несвойственно.

Подбородок настойчиво тянут наверх, вынуждая запрокинуть голову.

– Что ты используешь?

В бледно-желтых глазах сплетается злость и замешательство, непонимание. Пусть лучше думает, что сходит с ума, чем знает правду.

– Ничего, – повторяю по слогам, стараясь не дышать.

Но это невозможно! Нельзя по желанию забыть о кислороде на время. Он должен течь, даже когда становится концентрированным ядом.

– Лжешь.

Малин оглядывается вокруг себя, продолжая меня удерживать за плечи. Одна жалкая черная салфетка на столе привлекает его внимание.

– Не дергайся, – предупреждает столичный и отпускает.

Ненадолго.

Нет смысла убегать, все равно некуда.

Малин поднес к моему рту салфетку.

– Смочи.

Вопросительно приподнимаю брови.

– Или это сделаю я. Выбирай.

Хороший выбор! Чтобы он моими слюнями меня обмазал, или своими.

Нет сомнений, для чего он это затеял.

Исполнила идиотский приказ, убивая засранца взглядом.

Солнечное сплетение сходит с ума, скручивается в пружину и буквально толкает повиснуть на шее истинного. Сопротивление с трудом, но удается.

Влажный кусочек салфетки прижимается к сгибу шеи. Малин не отпускает мой взгляд, настойчиво натирая выбранное место.

«Пусть у него ничего не получится. Пусть только у него

ничего не получится...», – безмолвная мольба не успокаивает, но отвлекает от нарастающей ломки в теле.

Похоже, чем дольше игнорируешь истинность, тем сильнее она проявляется. Странная закономерность, но иного объяснения в голову не приходит.

Очередной шум воздуха раздается рядом с ухом. Жадный. Нетерпеливый. Один вдох за другим.

Жмурюсь, понимая, что за этим последует, только мое воображение оказывается скуднее реальности.

Горячие губы примыкают к маленькому клочку кожи, выбивая из меня неконтролируемый стон. Низ живота прошибает, стягивает, острыми лучами заполняя все тело.

Всего один поцелуй. И не в губы. Что же будет, если...

Страх немного ослабляет остроту ощущений, позволяя вновь осознать себя.

– Не прикасайся ко мне, – с шипением упираюсь ладонями в плечи Малина.

Он отлип от шеи с усмешкой, но она быстро сменилась недовольством.

– Ты меня обманула.

И не испытываю угрызений совести по этому поводу.

– Я говорю правду, а ты не хочешь меня слушать.

– Ты моя истинная.

Ладонь уперлась в стену над головой. Малин вновь усмехнулся.

Он не сдастся, пока я не признаю этот чертов факт.

Вязкая горечь от мерзкого запаха, смешавшегося с желанной сладостью, заполняет рот.

– Биомусор истинная – это вышка. Застрелиться, – воспроизвожу слова Малина. – Я могу подать патроны, решим проблему одним выстрелом. Обещаю отмыть твою кровь с пола.

Усмешка сходит с его лица. Он молчит, не двигаясь с места, только ладонь, упирающаяся в стену, сжимается в кулак.

Услышать подтверждение не то же самое, что утверждать самому, а, вообще-то, лучше не задавать вопросов, на которые не готов получить ответ.

Мы не по одну сторону, но, совершенно точно, оба не желаем этой истинности. Разумнее попытаться использовать всевозможные ресурсы для решения маленькой, но очень весомой проблемы.

Связные мысли сформировываются с трудом. Я могу собой гордиться: под жестким давлением желания одного конкретного человека не теряю голову. Ну, может, наполовину.

– Слушай, ни тебе, ни мне эта истинность не нужна, так? – судорожно выдыхаю с ощущением, будто между ног облили керосином и подожгли.

Сминаю в кулаках края кофты по бокам, чтобы бесконтрольно не наброситься на Малина. Этого только не хватало.

– От нее можно избавиться.

Хоть я и не уверена до конца, и доказательств нет, но я не перестану верить.

– Херня, – ругается Малин, не отпуская моего взгляда. Он словно находится в панике где-то внутри себя.

– Карл Кристмал проводил опыты, но они засекречены.

Мне до него не добраться, а ты можешь.

Дыхание непроизвольно учащается, только ухудшая состояние. Еще немного, и здоровая часть меня поляжет храброй, достойной, но бессмысленной смертью.

– Предлагаешь мне стать подопытным? Проводить над собой эксперименты? – губы Малина снова изгибаются в усмешке, теперь злой и даже отчаянной.

О, конечно. Как столичный позволит себе быть подопытной крысой? Для этого только приезжие годятся!

Трус. Хочу выплюнуть это слово ему в лицо. Собираю все раздражение и гнев, какие смогла соскрести по капле.

– Ну и какого хрена? – ленивый и слегка насмешливый вопрос отвлек от взаимного визуального уничтожения.

Дрейк стоит в проходе сбоку от нас, засунув ладони в карманы брюк.

– Не помню, чтобы я разрешал трогать моего слейва.

Глава 8

В любой другой момент я бы обрадовалась его появлению. И в этот могла благодарить, что приблизил мое спасение от запаха истинного, но, проклятье, как же Дрейк не вовремя!

Когда еще представится возможность обсудить гипотетическое сотрудничество с Малиным?

Здравомыслие не моя сильная сторона в данный момент, учитывая, что наброситься на Малина не кажется мне плохой идеей. Пусть и неадекватно, я все же соображаю.

Малин совершенно точно способен получить доступ к информации, до которой мне никогда не добраться. Я приезжая. Биомусор Амока. Двери передо мной закрыты наглухо. Я могу стучаться в них головой, но быстрее расшибу лоб, чем пробью хотя бы щель.

– Я ее не касаюсь, – Малин не отпускает моих глаз.

Ногтями вдавливаю плотную ткань в ладони, вынуждая трезветь. Только не выходит!

– Сейчас – да, но я уверен, что уже полапал, – голос Дрейка помог балансировать на более ровной поверхности.

Не дал упасть. Вернее, пасть... Прыгнуть в руки чертового столичного!

– Подожди, мы еще не закончили, – Малин не отвел взгляд.

Ему все равно? Он ничего не чувствует?

Я одна страдаю за двоих? Почему? Даже у истинности нет справедливости?

– Сперва получи *мое* разрешение на использование моего слейва, установи плату, я ее приму или не приму. Какого черта я должен рассказывать тебе правила?

Разрешение на использование?

Резко смотрю на Дрейка. Взгляд не сразу сфокусировался на знакомом лице в полумраке комнаты.

Установить плату? Плату за использование?

Я не вещь!

Хочется рычать от злости и... не только. Спокойствие и равнодушие Дрейка продлевает жизнь раздражению. Нечему удивляться. Он сразу говорил о том, для чего нужны приезжие – служить столичным. Он искренне верит в это, живет с этим всю жизнь, и винить его в устоявшемся глупо.

– Правила, – Малина запрокидывает голову и смеется. Перевел взгляд на Дрейка. – Ну, говори, что ты хочешь?

Вцепиться бы им в глотки. Двоим. Перегрызть к чертям. Но тогда они не осознают, не поймут. Ничего не поймут.

Очередной внутренний толчок изнутри. Болезненный импульс безжалостно толкает вперед. Сделать шаг – всего один – и прижаться к Малину. Обвить руками, ощутить тепло под ладонями, вдохнуть его. Полностью.

Вонзаю клык в закушенную губу. По языку растекается металлический солоноватый привкус.

Не двигаться. Только не шевелиться. Не дать себе повода

коснуться *его*. Проклятого истинного.

Он неотрывно смотрит в одну точку. Шею обжигает его взгляд – озадаченный, диковатый. За верхней губой язык прокатился по зубам.

О чем он думает в этот момент? О чем он вообще может думать, когда я готова умереть прямо здесь, лишь бы ничего не чувствовать? И сразу другой вопрос: почему его должны волновать мои ощущения?

«Потому что я его истинная, и он должен страдать вместе со мной!» – истошный вопль остается внутри. Наружу вырвался лишь судорожный выдох.

В уши раздражающе вбивается далекий цокот каблуков. Он приближается, стуча мелкими молоточками по барабанным перепонкам.

Малин на короткий миг наградил меня странным взглядом и вновь уставился на шею.

Сильные руки сгребли в охапку все мои внутренности и сжали, скручивая. Выжимают по капле всю кровь. Теперь я готова умолять Дрейка забрать меня отсюда. Увести подальше, лишь бы истинность перестала меня ломать.

– Мальчики, вы оба здесь, – комнату заполнил тягучий голос

С трудом смотрю на нового члена нашего междусобойчика.

Знакомая блондинка поправила длинный хвост прямых волос.

– Кисунь, и ты здесь. Прекрасно, – на ее лице расцветает притворно милая улыбка. – Дрейк, дорогой, дай мне своего слейва на час.

Боль в зубах и ладонях спасает помутившийся разум от непредусмотрительного ответа. На достойную полемику я неспособна.

– Сколько желающих, – усмехается Дрейк. – Пора пере-смотреть расценки.

Я не вижу ничего кроме бледно-желтых глаз.

Малин. Ненавижу тебя. За то, что ничего не чувствуешь.

Почему истинный – он, а не кто-то из приезжих? Таких же нормальных, как я. Я бы не сопротивлялась. Не сдерживалась. Сама бы шагнула навстречу.

– И ты? – удивляется блондинка, перетягивая на себя мой затуманенный взор. – Девочкам надо уступать. Я верну ее целой, успеете наиграться.

Хочу подретушировать растянувшиеся в кокетливой улыбке губы. Разбавить кровоподтеком, например.

– Я не вещь, – цежу на грани адекватности, – и никому не позволю «играться» со мной.

Столичная с притворным сочувствием качает головой и поворачивается к Дрейку.

– Всего лишь дам ей пару уроков хороших манер.

Он ловит мой взгляд. Даже не представляю, что в нем. Во мне с факелом наперевес разгуливает взбесившаяся истинность, приговаривая: «Кто не спрятался, я не...»

– Наденешь ошейник и поводок, заставишь ползать на четвереньках и лизать тебе пятки? – смеется Дрейк.

– Хорошая идея, спасибо, – блондинка сжимает его плечо. – Хочу-хочу. Мур-мур.

Острый алый ноготь надавливает на нижнюю губу Дрейка.

Не хочу смотреть на него. Очередной столичный, такой же, как остальные.

Вдох внезапно отзывается щемящей тоской в груди. Она тяжелым шаром прокатывается по ребрам и падает в живот.

На глаза набежали слезы. Совершенно беспочвенный страх больше никогда не прикоснуться к Малину буквально выворачивает сознание. Раскурочивает все несущие конструкции здравомыслия.

Откуда это взялось?

Отрешенно слежу за своей рукой, будто не я ей управляю, а нечто чужеродное. Тепло разливается по ладони, мягкая ткань футболки словно облизала нежную, ставшую слишком чувствительной, кожу.

Как сопротивляться?

Биение сердца под рукой. Ненавистное. Злость хочет вонзить когти в плоть, а истинность умоляет услышать стук, пропустить через себя чужой пульс.

Надавила ногтями на футболку, вдавливая ее в кожу, повела наверх.

В бассейне Малин прижимал меня к себе и было легче. Истинность не молчала, но и не вопила отчаянным раненым

зверем.

Вдруг срывается?

Горячая кожа обожгла. Миллион мелких иголочек-иско-рок пронзил всю поверхность, включая пальцы. Покальывание в подушечках усилилось и сменилось слабыми импульсами.

Микроток, расслабляющий натянутые до невозможности мышцы, проходит по телу. Разжимаю челюсть и выдыхаю через рот.

Опускаю веки, во рту дикая сухость. Не верится, что крушившее и ломавшее меня изнутри медленно затихает.

Оглушенная собственным тяжелым дыханием, прижимаюсь лбом к твердой груди.

Не хочу снова. Не хочу опять проходить через истинный ад. Безжалостно впиваюсь ногтями в бока Малина. Стальные мышцы под кожей не позволяют продавить. Доставить ему хоть какой-то дискомфорт – уже радость.

– Ненавижу, – выдыхаю, почти не размыкая губ.

Малин не прикасается. Терпит мои ногти, лоб, прижимающийся через футболку, но не трогает. Хорошо это или плохо? Не знаю. Я хочу никогда его больше не видеть и не хочу отпускать.

– Эй, пока мы обсуждаем цену, вы уже тискаться начали? – возмущается блондинка.

Я успела позабыть и о ней, и о Дрейке.

Вдавливаю ногти сильнее, представляя, как сжимаю шею

столичной стервы.

– Малая, я тебе не подушка для иголок, – звучит над ухом с не прикрытыми недовольством, – втяни когти.

Делаю наоборот – надавливаю сильнее. Не из вредности, а из-за до боли знакомого прозвища. Тим никогда не говорил «сестра», не называл по имени. Всегда только Малая.

– Я вообще не разрешал тебе прикасаться ко мне.

Отстраняюсь, не убирая рук. Закипая от злости, негодования, под воздействием проклятой истинности каждая эмоция ярче и острее.

Глядя в бледно-желтые глаза, запускаю пальцы под футболку и с маниакальным удовольствием вонзаю ногти в кожу. Малин недобро повел головой, во взгляде если не желание прибить меня на месте, то около того.

– Ты ни черта не чувствуешь, – шиплю ненавистно, – и даже не представляешь, что испытываю я.

– Я в этом виноват? – издевательски приподнимает брови.

– Мне плевать. Я хочу, чтобы ты тоже страдал.

Широкая ладонь обхватывает шею под подбородком.

Сглатываю от легкого давления, вместе со страхом чувствуя кое-что еще.

Возбуждение прокатилось вниз живота. Чужеродное желание, чтобы Малин стянул мои волосы на затылке, поставил на колени и...

Это. Не. Я.

Не я!

– Тебе нравится, – Малин пристально всматривается в мои глаза, чуть сдавливая шею, ослабляя, поглаживая большим пальцем.

Отбросить его руку – не так сложно. Легче легкого. Но я не могу пошевелиться. Смотрю в его глаза и плавлюсь в котле с оловом.

Грубая ладонь отчего-то кажется нежнейшим шелком, наэлектризовывая кожу в месте прикосновения.

– Макс, какого хера? – голос Дрейка доносится будто из другого мира. – Отойди от моего слейва.

В желтых глазах блестит злость. Челюсть заметно напряглась. Он неторопливо убирает руку, перестает касаться моей шеи.

Тонна ледяной воды, не меньше, обрушивается на меня, придавливая к полу. Внутри мгновенно затянуло в паническом недостатке нужного и необходимого.

– Я терпеливо жду, – извещает Дрейк с налетом иронии.

Взгляд Малина осязаемо погладил сгиб шеи, оставляя незримый след. Столичный с легкой усмешкой отступил на шаг.

Захотелось обнять себя руками, чтобы согреться от накатившего холода, пробившего озноба. Недолгого. Холод быстро сменился болезненным пекло.

Обняла лицо ладонями в приступе дикого отчаяния.

Что мне делать? Что?!

Сбежать? А поможет? Как надолго?

Я готова пойти добровольцем на любые эксперименты, лишь бы никогда больше не проходить через *это* снова.

– Максик, ты можешь взять ее в любое другое время, – тягучий голос блондинки действует на нервы. – Уступи мне. Уступи!

Мой истеричный смешок растворяется в тишине комнаты.

– Оливия, я на твою плату пока не согласился, – голос Дрейка звучит обыденно.

Пока я была не в себе, они успели обсудить плату? Так нечаянно моргну, а меня уже продали.

– Дре-ейк, ну, не будь врединой. Ты ведь не такой. Ты милый, чуткий, понимающий.

Не буду ждать окончания спектакля театра абсурда.

– Вы бы друг с другом поразвлеклись, у вас для этого все есть, – смотрю в пол перед собой, мечтая раствориться.

– Слышите? – возмущается блондинка. – А я ее научу, как надо разговаривать со столичными.

– Я безнадежна, – говорю безразлично и с протяжным вздохом сгибаюсь пополам от болезненной истомы. – Черт...

Принцип понятен: чем сильнее сопротивление, тем сильнее проявление. Своеобразное наказание за непослушание.

Функционировать вдали от истинного можно – проверено. Выхода как минимум два: согласиться на эксперимент, и если он окажется неудачным, убежать. Далеко, насколько возможно. И жить дальше.

– Я сам хочу развлечься со своим новым слейвом, – безмятежность Дрейка порождает волну тревоги. – Обсудим ее аренду в другой день.

Яростный стук каблуков ритмично вспарывает пространство. Смотрю на белые с желтыми вставками кроссовки Малина, не разгибаясь. Не хочу видеть столичных. Никого из них.

– Знаешь, что она моя истинная?

Вздрагиваю от вопроса. Смотрю на Дрейка из своего положения. Он с легкой усмешкой на губах кивает.

– Ваша беседа у бассейна была не совсем приватной.

Выходит, он слышал.

Понять, хорошо это или плохо, не получается. Для подобных размышлений нужен трезвый подход.

За стеной вновь звучит цокот каблуков. Разговор подвис в немом ожидании. Столичная входит с ведерком для льда, в котором обычно держат бутылки. Ее не наблюдается.

С сочувствующим видом заправской стервы блондинка протянула:

– Кисунь, тебе надо охладиться.

Подернутый туманом разум не позволил рефлексам сработать. Я как в замедленной съемке наблюдаю за переворачивающимся надо мной ведром со льдом.

Кубики больно бьют по голове, закатываются под ворот кофты на спину и на грудь. Шипение с коротким писком – все, что я из себя извлекаю, пока лед скользит по коже, остав-

ляя мокрые дорожки на теле.

Последние льдинки прокатились по щекам, упали на ладони. Руки трясутся, холод пробирает до стука зубов. Загри-вок жжет. Оттягиваю кофту со спины, вытряхивая остатки. Кубики стучат по полу, а по спине и груди катятся холодные капли.

Столичная с милой улыбкой разворачивается на шпильках и цокает к выходу.

Дрейк наблюдает за мной с приподнятыми бровями, сунув руки в карманы брюк.

Вытянутые вдоль тела руки Малина сжимаются в кулаки. Пальцы напряженно вытянулись и сжались вновь до побелевших костяшек. Он не сводит с меня взгляда. Удивленный, озадаченный, будто пораженный чем-то.

Неужели поведение Оливии растрогало до глубины души?

Сарказм тонет среди невысказанных слов.

Трясусь в ознобе, стягивая кофту. Наружной стороной под пристальными взглядами обтираю шею, грудь, живот. Я не собираюсь заболеть из-за одной конченной стервы.

Сую кофту Малину в руки. Он, по-прежнему словно оглушенный, в немом удивлении выразил вопрос.

Повернулась спиной и грубо бросила:

– Вытирай.

Сжимаю руки под грудью, чтобы меньше трястись. На Дрейка и вовсе не смотрю. Темная стена передо мной интереснее.

Пусть все столичные провалятся в преисподнюю. Тридцать три поноса каждому жителю Амока на голову.

Плечо обожгла горячая ладонь. Вместе с прикосновением пробудилось и затихшее желание. Оно заворчалось, мягко стягивая низ живота. После того, что было, это пустяки. Как легкая щекотка.

Ткань касается спины. Одно плавное движение вдоль позвоночника сменяет другое. Тягучая густая радость от заботы со стороны истинного патокой растекается по грудной клетке.

Заботы, на которую я его вынудила. Заставила. Приказала ее проявить.

Безжалостный здравый смысл заткнул обрадовавшуюся истинность.

Пальцы грубо сжимают плечо и дергают назад. Я с недовольным рыком по инерции дергаюсь вперед, но рука вместе с моей кофтой перехватывает поперек живота, спина вжимается в каменный торс.

Протяжный вдох над шеей всколыхнул все нервные окончания.

«Проклятье, Малин! Все только успокоилось...» – отчаянный стон затихает в глубине души.

Разум бьется в истеричном протесте, а тело натурально плавится под руками Макса. Его ладони хаотично скользят по животу, задевают грудь. Кончики пальцев обводят границу резинки спортивных брюк. Зубы царапают изгиб шеи, за-

пускают мурашки гигантских размеров. Влажный язык заливает несуществующие следы на шее, срывая стон.

Когда, в какой момент забросила руку назад – непонятно. Сжимаю короткие жесткие волосы Малина между пальцев, выгибаюсь.

– Хочу оставить метку, – шепот опалает ухо, дурманя, только смысл слов вызывает тревогу.

Метку?

Он сказал метку?!

– Не смей, – рычу я, трясясь всем телом.

Проворные пальцы пробрались за резинку штанов, безжалостно крадя у меня очередной стон.

– Хочу, – ответный рык Малина прямо в шею провоцирует сильнее сжать волосы в кулаке.

Никаких меток! Только через мой труп.

Хлопки в ладони громом обрушиваются на нас двоих.

Я... чуть не потеряла голову и совсем забыла, что мы не одни и... и вообще не должны ничем подобным заниматься!

Тугой узел стягивает живот, подогревая пекло между ног, подсказывая, чем все как раз должно закончиться.

Пальцы-тиски сжали талию с обеих сторон.

Надо сказать, чтобы отпустил.

Надо. Сказать.

– Дайте мне попкорн, и я посмотрю продолжение, – Дрейк продолжил нарочито медленные аплодисменты.

Грудная клетка за спиной вибрирует от тихого рыка.

– Радуйся, – в тихом голосе Малина прокатывается рокот. – Я тоже... почувствовал.

Злорадная Кара возликовала. Губы сами собой растянулись в мстительном оскале.

– Все, Макс. Проваливай. Правила для всех едины, – Дрейк перекатился с пятки на носок. – Договоримся в цене – дам тебе с ней поиграться.

Злость сковывает по рукам и ногам. Парализует, оставляя возможность только стискивать зубы.

– Покупать частную беседу со своей же истинной, – криво усмехается Малин и отступает.

Без горячих рук резко становится холодно. Подняла с пола свою кофту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.